

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
СВЕТЛАНА ЧЕХОНАДСКАЯ

ЗОВ ГОРЫ

18+

Светлана Анатольевна Чехонадская

Зов горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42034500

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0612-3

Аннотация

Пропала девушка. Она вышла из своего дома в подмосковном поселке, и больше ее никто не видел. За полтора года поисков удалось найти только ее машину, а в ней – листок с номером телефона. Казалось бы, обнаружен след. Но хозяйка номера с пропавшей никогда не встречалась. Однако отец девушки не сдастся. И листок с номером выводит на целую серию жесточайших убийств, совершенных по всей России. С каждым шагом все яснее, что причины убийств – в недалеком прошлом. Все явственнее зов горы Белухи – алтайской туристической достопримечательности, у подножия которой в 2004-ом году случайно встретились десять человек...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	57
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	90
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	106

3 июня 2015 года в половине четвертого утра в Москве на Балаклавском проспекте возле дома номер 36 произошло ДТП. Легковой автомобиль Лада Приора на ста сорока километрах в час врезался в фонарный столб. В машине в этот момент было два человека, и оба они погибли.

В кармане водителя-таджика нашли права, у пассажира был российский паспорт на имя Арцыбашева Олега Павловича, 1955 года рождения, место регистрации – Ессентуки.

Спустя два часа на место происшествия приехала следственная группа, затем трупы увезли в морг.

Через пять дней судмедэксперт, производивший вскрытие, выдал заключение, что водитель машины действительно умер от травм, полученных в момент аварии, но вот пассажир был уже мертв примерно за три часа до этого. Причина смерти – обширный ишемический инсульт.

То есть водитель вез в машине не самого Арцыбашева, а его труп.

Сделали запрос в Ессентуки. Ответ оттуда пришел поразительный. Оказалось, что Арцыбашев Олег Павлович, 1955 года рождения, скончался в результате несчастного случая полтора года назад – 15 января 2014 года. 17 января того же года он был похоронен на кладбище «Франчиха» города Ессентуки.

В Москву на опознание вызвали жену Арцыбашева из Ессентуков, а также его сына из Мурманска. Родственники подтвердили: он. После чего жена Арцыбашева, уже хоронив-

шая мужа полтора года назад, немедленно свалилась в глубокий обморок. Была заказана экспертиза ДНК, которая вынесла окончательный вердикт: да, Арцыбашев.

Дела такие иногда случаются, следователей удивить трудно – но в этой истории все почувствовали какую-то жутковатую нелепость. В итоге о судьбе трижды умершего Арцыбашева немало говорили в управлении, узнал о ней и один невзрачный, но дотошный следователь: вот он-то первым и вспомнил, что Арцыбашев Олег Павлович полтора года назад проходил по делу об исчезновении в поселке «Подмосковные вечера» дочери одного богатого предпринимателя. Дочь, кстати, так и не нашли, так что, узнав историю Арцыбашева, следователь позвонил ее отцу.

Через пять минут все это стало известно *Mume*.

Сказать, что это его поразило – значит, ничего не сказать.

На следующий день он уже был в кабинете следователя.

– Да, трижды труп, – с удовольствием повторил следователь, жуя бутерброд с докторской колбасой. – Умер полтора года назад, потом за три часа до аварии и еще во время аварии... Ты как думаешь: это как бы за грехи или наоборот?

Митя посмотрел на бумаги, лежащие на столе. Справка из Ессентуков, под ней – заключение судмедэксперта, еще ниже – протокол ДТП.

Маленькая бумажная лестница в ад.

...Это как бы за грехи или наоборот?

– Ну надо же, – медленно произнес он.

Его кровавый путь близился к концу. За спиной были годы нечеловеческого ужаса, крови и смертей. Но только в этот момент он понял, что в игры с ним играет сама Преисподняя.

Спрятавшая главного героя за тремя кругами смерти, она подмигивает *Mute* тусклым глазом.

И предлагает сделать следующий ход.

Глава 1

...Теперь вы ставите под сомнение справедливость законов бытия...

Джон Фаулз

«Женищина французского лейтенанта»

– Мерседес джи-эл-500, Лэнд Крузер двухсотый... Ий! – пискнул Денис. – Светик, опупеть, Ламборджини Хуракан эл-пэ шестьсот десять четыре! – Он помолчал, тяжело дыша, и затем потрясенно прошептал. – Макла-а-арен...

Он повернулся ко мне, тощий, в одних трусах, покачиваясь. Казалось, он не отодвинул шторы, чтобы лучше видеть, а держится за нее, чтобы не упасть. В глазах у него плясало безумие.

Он снова посмотрел в окно.

– Светик, мордороты выходят. Раз, два, три, четыре... шесть штук. А из Ламборджини – красавчик... Вау, чувачелло в шортах! В шортах, Светик! Та-ак, из Макларена полезло. Пузан такой, папик... В джинсах! Да они все, типа, кэжуал. А нас галстуки заставляют носить. Мы, блин, в «Медиа-Маркте» в галстуках, а они в Макларене в джинсах! Как тебе это?

Я откинула одеяло, встала, подошла к стулу, чтобы взять

халат.

– Ты, Денис, живая иллюстрация Пелевина. Голодранец, продавец соковыжималок, знаток дорогих часов и автомобилей. Смешно, правда...

– Светик, а ты как думаешь, к кому в нашей богадельне они приехали?

– А что они сейчас делают?

– Стоят, совещаются, курят... О, я знаю: к Тиграну из шиномонтажа! – прыснул он. – Это его крыша! – и прямо согнулся от смеха, такой юморист невольный.

Я мельком подумала, что нас уже смешат разные вещи, пора расставаться. Потом в его защиту решила, что кое-что смешное в этой картинке есть: вся эта роскошь на фоне трехэтажного рассыпающегося барака. Такое событие. Дом, правда, пуст, но есть еще двор, и он пришел в движение.

Я прямо почувствовала, как затосковали ржавые жестянки в лабиринтах гаражей. Загудели запертые в гаражах мангалы, зазвенели трехлитровые банки с большими желтыми огурцами, запыхтели самогонные аппараты, мерцающие нарядным платиновым светом нержавеющейки. Взвизгнула горка на пыльной детской площадке за гаражами, зашелестели качели, заскрипела калитка у спуска к Десне.

Весь двор, короче, возбудился.

В жопу мира приехали богатеи...

– К кому же они приехали? – подумала я затем. Ответ я знала, поэтому подошла к зеркалу и расчесала волосы пятер-

ней. Прямо скажем, странный визит...

– Иди открывай дверь, – сказала Денису.

Пока он ворочал глазами, я провела стремительную инвентаризацию. Да, все верно. Тигран в Геленджике, Лида еще не вернулась с Десны, ее такса, сука, молчит – я когда-нибудь отравлю ее изониазидом, вот ей-богу, отравлю, может, отравлю вместе с Лидой. Макарычев включил радио: куда-то укандыхал и боится, что унесут его новую плазму, делает вид, что дома кто-то есть, но когда дома кто-есть, радио звучит на два тона тише – может, и его травануть заодно? Ленка, если бы была дома, фонила бы своим айфоном от стены, где стоит моя кровать, и мой собственный айфон на тумбочке раз в две минуты отзывался бы мучительным гудом...

А Максимка-даун? – спросила я себя. – Максимка дома? Или он на работе – собирает выброшенные чеки у касс «Юго-Западной»? Хотелось достроить занимательную картинку: Мерседес, Лэнд Крузер, Ламборджини и Макларен приехали к Максимке-дауну, но мое поганое сознание задавило творческий порыв в зародыше: если бы Максимка был дома, тяжелая капля водопроводной воды уже плюхнулась бы на мой засохший фикус в углу и блестела бы сейчас на солнце. Знайте все: поверхностное натяжение воды – это самая стабильная вещь на свете. Подтекающий душ Максимки-Ихтиандра посылает своих гонцов по тайным червоточинам перекрытий. Они рвут оболочку капли раз в десять ми-

нут, и по ним можно сверять Куранты.

Раздался звонок.

Денис ошарашенно посмотрел на меня, я ему кивнула. Он прямо в трусах отправился в коридор.

Первыми зашли два охранника, один – белобрысый, похожий на морскую свинку, другой – узкоглазый, с кожей, натянутой, как барабан, волосы заплетены на затылке в жидкую косичку. За охранниками – веселый красивый мужик в шортах по колено, белой футболке и дизайнерских сандалиях. Лет тридцати. Высокий, белозубый, накачанный, башка бритая – сияет богатым средиземноморским загаром. Поролистый лоб, глаза синие. Морда смеется, в глазах полыхает злоба.

Меня удивил его взгляд. Почему ты злишься, дядя? Если бы Лидина такса сидела, как обычно, на лестничной площадке, еще можно было бы предположить, что она навалила тебе на голову с третьего этажа – это такая собака, с нее станется. И тут, конечно, разозлишься. Но Лида с таксой на Десне...

– Здравствуйте, Светлана, – сказал низкий тяжелый голос, и сразу стало понятно, что это в комнату вошел хозяин Макларена.

Я не хотела делать никаких выводов, поэтому просто посмотрела ему в глаза. Только в глаза – угрюмые, уставшие, в сеточке морщин. Карие, покрасневшие (аллергия? Бессонница? Сахарный диабет? – хватит, Света, я прошу тебя! Но я уже успела назвать себе и его фамилию). Еще два охранника

следом за ним. Очевидно, остальные были шоферами, и они остались внизу.

Узкоглазый охранник метнулся за стулом, хозяин сел. Мне тоже поднесли стул, а красавчик в шортах, насвистывая, встал у окна. На кухне что-то упало – видимо, Денис.

– Милый пейзаж, – ни к кому не обращаясь, сказал красавчик. – То березка, как говорится, то рябина...

– Вы, наверное, удивлены? – спросил хозяин.

– Не очень, – ответила я, еле сдержавшись, чтобы не назвать его по имени-отчеству. – Ведь ваши люди следят за мной уже восемь дней.

– О, какая чистая работа! – по-прежнему глядя в окно, воскликнул красавчик. – Учительница рисования заметила эту слежку уже в первый день! Не сотрудница внешней разведки, прошу заметить.

– Сережа, хватит, – поморщился хозяин. – Никто особенно и не скрывался...

Все замолчали. На кухне завожился Денис. Залаяла такса. Вернулась, сволочь. Теперь она будет лаять без перерывов до завтрашнего утра.

– Меня зовут Алексей Григорьевич Фоменко, – сказал хозяин. – Может, вы помните...

– Да. Полтора года назад меня допрашивали по поводу исчезновения вашей дочери. Ее так и не нашли?

– Нет, – ответил он, и глаз его дернулся.

– В ее вещах был найден листок с моим телефоном.

– Да. И с вашим именем.

– Алексей Григорьевич, я еще тогда рассказала следователю, что никогда не встречалась с вашей дочерью. Я ее даже мельком не видела, а у меня хорошая память. Я понятия не имею, как и зачем у нее оказался мой телефон. Она мне никогда не звонила.

– Вы почти ровесницы, – оценивающе глядя на меня, произнес он.

– Да. Но из разных социальных слоев. Не представляю, где бы мы могли пересечься.

– Ну уж, – сказал он таким тоном, словно не поверил мне.

Снова возникла пауза. В дверном проеме мелькнула тощая фигура Дениса. Но войти в комнату он не решился.

– Что вам надо? – спросила я.

– Открылись новые обстоятельства. Теперь у меня есть доказательства, что следствие велось небрежно. Я начинаю все заново. Только теперь я все буду контролировать лично... Да...

Его тело буквально на моих глазах отяжелело, налилось чугуном, кажется, даже вросло в пол. Еще немного – крошащиеся лаги проломаются, и Алексей Григорьевич Фоменко рухнет в пустующую комнату Тиграна. А может, его ненависти хватит и на то, чтобы жахнуть еще на один этаж – к сверкающей плазме Макарычева?

– Мне нечего вам сказать, – я пожала плечами. – Уверю вас, что полтора года назад я много об этом думала. Я пере-

брала в памяти десятки дней, просмотрела свои звонки и записи, перерыла ящики и даже чеки из магазинов. Я приставала к друзьям, знакомым, продавщицам, барменам и другим людям, которые видели меня хотя бы раз в жизни. Я пыталась найти след вашей дочери в моей жизни. Но не нашла его.

– Полтора года назад погиб ключевой свидетель по делу Арцыбашев, – невозмутимо перебил он меня. – А месяц назад мы узнали, что его смерть была инсценировкой. Тогда я подумал: а все остальные доказательства, все остальные собранные материалы – чего стоят они? И вот, пожалуйста! Не проходит и недели, и у меня в руках доселе неизвестный факт. Нет, вы вдумайтесь! Работала сотня полицейских, я платил трем частным детективам и платил столько, что страшно вымолвить даже мне – а важнейшие факты оставались неизвестными!

Он дурашливо развел руками и посмотрел по сторонам, призывая всех в свидетели. Очевидно, эта дурашливость была предвестником чего-то грозного, потому что охранники посерели, и даже красавчик в шортах слегка вжал голову в плечи.

– Вот, – и Фоменко вытащил из кармана джинсов фотографию. Потом он встал и, шаркая, подошел ко мне. Довольно грубо ткнул фотографию мне в лицо. – Полтора года назад это тоже нашли в вещах моей дочери. Недавно я кое-что о вас узнал, и теперь думаю, что пересекаться с ней вы мог-

ли. Посмотрите внимательно.

Честно говоря, я испугалась. Я не врала, когда говорила, что несколько недель жизни потратила на поиски ее следов. Это очень жутко – осознавать, что для кого-то ты существуешь в виде номера телефона, имени на листе бумаги, а значит, он не пожалел усилий, чтобы все это найти и записать.

Он думал о тебе, а ты его не знаешь. Как такое может быть?

И тогда ты начинаешь бояться.

Да, бояться своего безумия. Тебя преследует мысль, что ты тоже знала этого человека, тоже писала его номер, имя, просто забыла. И он вдруг становится огромным, важным, чуть ли не самым важным в твоей жизни – это твое предполагаемое безумие увеличивает масштабы твоего забвения. Ты думаешь: что я вообще способна забыть?!

И вот – фотография. Что я сейчас увижу? Как мы с ней стоим, обнявшись, в коридоре МГИМО, где я никогда не была? Или мы в «Сохо-Румс»? На пляже Гаруп в Антибе? Что я узнаю о себе, если я ее, действительно, знала?

С фотографии смотрит на меня худой мужчина лет пятидесяти. Длинные волосы с прямым пробором, глубоко посаженные глаза. Низ шеи окаймлен белым кантом необычного вида – какая-то рубашка без воротника и пуговиц... Что-то вроде... Что-то вроде...

Я не успела додумать.

– Этого человека зовут Александр Константинов, – сказал

Фоменко. – Фотография сделана на Алтае, недалеко от горы Белухи...

Я сразу почувствовала облегчение. Мне все стало понятно.

И одновременно с этим я разозлилась. Видимо, в первую очередь из-за того, что этот упырь на какую-то секунду заставил меня поверить в собственную амнезию.

– Так, – сказала я. – Больше я с вами разговаривать не буду! Уходите. Вон!

Глава 2

Первый этап – это всегда бомбардировка любовью.

Такой термин используют не все – у некоторых он называется «медовый месяц» или «возвращение в семью» – но первый этап у всех одинаковый.

На первом этапе ты обретаешь главных людей своей жизни.

Я уже пятый раз подходила к церкви, указанной в электронном письме. Робко топталась у входа, оглядывалась, иногда даже слезу пускала. Те, кого я искала, казалось мне, отсутствовали.

На пятый день в скверике напротив присели на лавочку парень и девушка, похожие на студентов художественного вуза. Они сидели и мирно беседовали, внимательно оглядывая окрестности. Не целовались, пива не пили. Я подумала, что сегодня найду то, что мне нужно.

В этот момент из домика священника решительно прошла в церковь пожилая женщина с поджатыми губами и очень злым лицом. Я робко пошла за ней. Женщина встала за прилавок со свечками.

– Извините, – прошептала я. – Я здесь ничего не знаю... Как поставить... за здоровье... ну, в общем, чтобы не болеть?

Она недобро осмотрела меня всю.

– Ты, милая, сначала бы платок надела. И шорты сняла.

Совсем уже сдурели, – сказала она через плечо не видимому мне человеку за дверью. – Губы синей помадой намазала. Уже сатанисты в святой Храм заходят!

Я вылетела пулей и наконец позволила себе разрыдаться.

Все верно. Парочка поднялась с лавочки, перешла через дорогу и подошла ко мне.

– Что-то случилось? Вам нужна помощь? – это спросил парень.

Я захлебывалась от рыданий.

– Болею... – бормотала я. – Сказали, рак... Я хотела свечку... Она сказала... она сказала.... Я не сатанистка, я болею!...

– Ну да, ну да, – сказала девушка. – Успокойтесь! Нашли к кому прийти за помощью. Да они злые, продажные, они вам не помогут!

– А кто мне поможет? – отчаянно крикнула я. – У меня рак! Мне никто не поможет!

– Надо лечиться, верить, сейчас рак лечится, а ты молодая, главное, не отчаиваться... Слушай, пошли с нами? Отвлечешься.

Бомбардировка любовью началась.

Несколько дней мы ходили по их друзьям-рокерам – по квартирам, подвальчикам, художественным студиям, у меня быстро обнаружился слух и способности к композиции, оказалось, что я красивая девушка, которая нравится парням, а мои разногласия с матерью – дело обычное. Матери никогда

не понимают своих дочерей, они им завидуют – тоже хотят быть молодыми. Ревнуют дочерей к молодости. Да и вообще: кровное родство слишком преувеличивают. Обращала внимание: с родными братьями и сестрами никто никогда не дружит? Природа делает близких родственников психологически далекими друг от друга. Видимо, чтобы минимизировать возможность кровосмешения. Настоящие родственники – это друзья.

Те парень и девушка, которые подошли ко мне у церкви, уже сменились другой парочкой. Быстро было установлено, что несмотря на синие губы и черные кожаные шорты, я не художественная натура. Я суеверная провинциалка, повернутая на своей онкологии. Поэтому на этапе «сэндвич» моими булочками стали два сыроеда – знатока трав и нетрадиционных методов лечения.

А через две недели наступил третий, решающий этап – «изгнание из рая». Они стали хмурыми, неразговорчивыми, а на мои отчаянные вопросы отвечали одно и то же: ты сама во всем виновата. Как можно вылечиться от рака, если сидеть в Москве? Только особый воздух особых мест, только труд на природе, только натуральные продукты, выращенные своими руками, могут исцелить. А не веришь: бегай по врачам, бей поклоны в церкви, отдавай последние деньги за ненужные таблетки, что там еще – но знай, что тебе никто, кроме нас, не поможет.

Все разыгрывалось, как по нотам, поэтому у меня не было

ни тени сомнений.

И когда потом, спустя полгода, она доверчиво посмотрела мне в глаза и улыбнулась, я не улыбнулась в ответ.

Мы сидели на берегу Катуня, обдававшей наши лица ледяной пылью, мне с моего валуна казалось, что я мчусь на скутере по воде, а она коснулась моего плеча и робко улыбнулась.

– Ты знаешь, – сказала она. – Это первый счастливый год в моей жизни...

И в тот момент я взорвалась: думаю, что сказалось постоянное недосыпание, тяжелый физический труд с утра до вечера, страх разоблачения, истерические звонки ее отца. Я уже знала, что он принял решение о штурме, и можно было больше не церемониться.

Короче, я дернула плечом, скидывая ее руку, и ответила:
– Да что ты знаешь о трудностях? Ты всю жизнь бесилась с жиру...

Ее взгляд погас, и она не стала мне больше ничего говорить.

Хотя она собиралась!

Собиралась!!!

Именно поэтому я выла, катаясь по траве, под ураганом взлетающего вертолета, под крики ОМОНовцев, плач детей и треск разбиваемых дубинками фанерных времянок...

Глава 3

– Вон! – сказала я.

Фоменко даже не шевельнулся, только злобно усмехнулся.

Его туша нависала надо мной, как скала – мне пришлось отклониться на ножках стула.

– Вы что, не поняли? Мне полицию вызвать?!

– Все? – брезгливо спросил он. – Закончили показательное выступление? Действительно, не боитесь получить по морде?

Я смотрела на него исподлобья: ударит или нет? Пожалуй, что и ударит. А кулаки у него, как бетонные блоки.

– Послушайте, Алексей Григорьевич. Давайте поговорим, как разумные люди.

– Давайте. Давно пора.

Он вернулся к своему стулу, сел, закинул ногу на ногу.

– Я поняла ваш ход мыслей.

– Любопытно послушать.

– Александр Константинов, чью фотографию вы нашли в вещах вашей дочери – это глава довольно многочисленной секты «Белуха», существовавшей на Алтае в конце девяностых и начале двухтысячных. Кажется, в 2004 году она была запрещена. Семь лет спустя на Алтае оказалась я – именно это, я так понимаю, вы и узнали недавно. У меня была сложная семейная ситуация, проблемы со здоровьем, и да, я

вступила в религиозную общину. Она называлась «Белогорье» и ее никогда – слышите, никогда! – не признали тоталитарной сектой. Никакого отношения к «Белухе» она не имела. Это было что-то вроде фермерской общины с натуральным хозяйством. Экопоселение. Я провела там меньше года, быстро разочаровалась в такой жизни и навсегда покинула Алтай в июле 2011-го. Больше я не имела никакого отношения ни к религиозным общинам, ни к тоталитарным сектам. Ни на Алтае, ни где-нибудь еще. Александра Константинова и его последователей я никогда не встречала. Я не сектантка.

Он насмешливо кивнул. В комнате повисло молчание. Все словно ждали продолжения. Ну что ж, продолжу.

– Алексей Григорьевич, я повторяю еще раз, по буквам. Вы зря теряете время. Вы решили связать три никак не связанных факта: фотографию сектанта Константинова, мою поездку на Алтай за два года до исчезновения вашей дочери, и мой телефон в ее вещах. Вы зря. Теряете. Время.

– Зря теряю время? – переспросил он и прищурился.

– Слушайте, в чем вы меня подозреваете? В том, что я заманила вашу дочь в секту?

– «Белуха» была запрещена в 2004 году, – сказал он. – Против Константинова возбудили дело о мошенничестве. Его должны были арестовать. Но он сбежал.

– И вы думаете, что он по-прежнему где-то на Алтае и с моей помощью сманил вашу дочь? Алексей Григорьевич, вы так и не ответили: в чем вы меня подозреваете?

Он снова усмехнулся. В его глазах горела ярость.

– Я не подозреваю. Я знаю, что вы опять врете. Мой источник открыл мне одну невероятную вещь...

За окном вдруг раздался взрыв смеха – видимо, кто-то из шоферов рассказал особенно удачный анекдот. Мне показалось, что мы персонажи ситкома, и за каждой нашей репликой следует смех телезрителей.

Да, смешно, подумала я.

– Вы никогда не были жертвой тоталитарной секты и никого туда не сманивали, – произнес он, а красавчик отвернулся от окна и с любопытством посмотрел на меня. – Вы работали на одну частную организацию, которая за большие деньги вызволяла из сект попавших туда людей. Вы внедрялись в секту – мне сказали, что у вас хорошие манипуляторские способности, а также прекрасный логический аппарат. Потом вы устанавливали контакт с жертвой секты и старались ее перепрограммировать. У вас это, в основном, получалось. Ваша организация обслуживала только очень богатых людей, и вы хорошо зарабатывали на этом.

Я сжала зубы – стало трудно дышать.

– И много вы заплатили источнику за такую чудесную информацию?

– Достаточно.

– Тогда он должен был вас предупредить, что я не буду разговаривать на эту тему. Я не люблю распространяться о том, как дурила тоталитарные секты.

Он пожал плечами.

– Да, он предупредил, что вы не захотите. Потому что считаете это опасным. Но мне по фигу, опасно это или нет. И вы будете об этом говорить, уж поверьте. К тому же эта опасность – издержки профессии. Вы понимали, на что идете. И шли на это не из человеколюбия, а за большие деньги.

– Огромные деньги, – с сарказмом сказала я и обвела рукой комнату.

– Не знаю. Может, вы такая жадная и складываете все гонорары на счету Сбербанка. Вам за эту работу хорошо платили, я это знаю точно.

– Тоже источник сказал?

– Да.

– А он сказал вам, что ваш Александр Константинов, который сбежал от полиции в 2004 году, был арестован в 2009-ом за сбыт наркотиков в особо крупных размерах? У него был паспорт на имя Михаила Стругацкого. Под этим именем он получил двенадцатилетний тюремный срок, а три года назад скончался в новосибирской колонии. Навредить вашей дочери он физически не мог.

– Да, теперь я это знаю.

– Тогда какого же черта?!

– Мой источник рассказал мне еще кое-что.

– Какой болтливый!

– Ваше последнее внедрение, действительно, состоялось в 2011 году. Вы искали восемнадцатилетнюю дочь одного

очень крупного чиновника. Ее звали Ника... Вам плохо? – злорадно спросил он.

– Алексей Григорьевич! – осуждающе сказал красавчик, быстро подошел ко мне и наклонился, всматриваясь. Он легко коснулся моей щеки, потом кивнул охраннику и тот убежал на кухню. – Света, послушайте, мы не враги! Алексей Григорьевич просто очень измучен. Вы не представляете себе, что это такое – полтора года искать пропавшую дочь! Вы понимаете? Он говорит вам злые вещи, но на самом деле, он молит о помощи.

Узкоглазый сунул ему в руку стакан с водой. Вода была мутная – у нас из кранов такое течет, что смотреть страшно. Красавчик брезгливо понюхал воду, видимо, не зная, что с ней делать дальше. Потом поставил стакан на пол.

– Меня зовут Сергей. Сергей Демичев. Я партнер Алексея Григорьевича. Полгода назад мы создали частное детективное агентство – для того, чтобы тоже заниматься поисками Гали. Мы действительно, обнаружили много небрежности в работе полиции. А история с Арцыбашевым нас буквально добила.

– В чем вы меня подозреваете? – еле шевеля ватными губами, снова спросила я.

– Ну вы же все понимаете! Мы выяснили, что в 2011 году вы получили задание внедриться в общину «Белогорье». Вы выдали себя за онкологическую больную, которая ищет спасения в нетрадиционных методах лечения. На самом де-

ле, вы искали там эту девочку – Нику. Внедрение прошло успешно, и вроде бы контакт с девочкой вы установили. Но дальше... Ника показалась вам абсолютно вменяемой и разумной, ведь так? Неужели вы ничего не заподозрили?

– У одержимости тысячи лиц. Некоторые из них кажутся более разумными, чем ваше...

Я вдруг страшно устала. Захотелось сползти со стула и тут же на полу заснуть, свернувшись калачиком. Теперь уже было понятно, что депрессии не избежать: приступ начнется завтра и продлится недели две, не меньше.

– Ну да, наверное, – согласился Сергей. – Вы пытались ее убедить, а она в ответ объясняла вам, что год в общине – это первый счастливый год ее жизни. А потом ее папаша устал ждать, на общину налетел ОМОН, Нику под охраной увезли в Москву. И там она спустя неделю покончила с собой. А еще через два месяца вы узнали, что по поводу этого папаша вот уже год ведется следствие сразу в нескольких странах. По делу о педофилии. Жертв – десятки, и среди них – его дочь Ника. Он насильвовал ее с десятилетнего возраста, и ее мать об этом знала. Это ужасная история, Света. Она сильно на вас повлияла. Если до этого вы считали секты врагами, то теперь, возможно, стали допускать, что они – меньшее из зол. Вот, чего мы с Алексеем Григорьевичем боимся! Мы думаем: а вдруг наша Галя обратилась к вам за помощью?

Невозможный вопрос сразу же повис на языке, я повернула голову и посмотрела на Фоменко. Задавать вопрос я не

рискнула, но и не произнесенный он прозвучал так явственно, словно все, кто был в этой комнате, его прокричали, поддерживаемые лаем таксы.

Ответный взгляд Фоменко был страшен, но, видимо, он привык к разным вопросам за полтора года следствия.

– Конечно, нет! – воскликнул Сергей. – О, господи, нет, нет! Галю никто не обижал! Но это же неважно! У нее был роман, Алексею Григорьевичу парень не нравился, они спорили об этом, она даже несколько раз уходила из дома. Еще Алексей Григорьевич хотел, чтобы она поехала жить в Лондон, нашел ей там работу, купил квартиру, она не хотела. Опять споры! Алексей Григорьевич женился, жена – актриса, молодая, яркая – и снова разногласия. Все как у всех! Но у одержимости тысячи лиц, вы же сами это сказали. Мало ли какую историю она могла вам рассказать? И вы ее пожалели. Вот такая у нас версия. Одна из десятка других. Может быть, не самая убедительная. Но мы теперь решили не пропускать ничего, и будем разрабатывать каждую.

– Я не требую, чтобы она возвращалась, – это Фоменко наконец подал голос. – Я просто должен знать, что она жива и она не страдает.

Они замолчали, вопросительно глядя на меня.

Пауза была долгой, и я успела молча изумиться, думая о том, какие они глупые.

– Я хорошо оплачу эту информацию. Ну?

– Я не знаю, где она. Мы никогда с ней не общались.

Он вскочил так резко, что охранники не успели даже моргнуть. Его стул уже валялся на полу, а сам он схватил меня на плечи и тряс изо всех сил, словно бы уверенный, что информация рано или поздно высылется.

– Говори, сволочь! Если я узнаю, что это ты помогла ей спрятаться, я тебе ноги вырву! Ну!

– Алексей Григорьевич! – Демичев бросился к нам и схватил его за руку, но тот лишь стряхнул ее мощным рывком плеча.

– Убью, уродина! Где она?! Говори! Всех твоих родственников убью, поняла?! Всех на хрен убью! Тащите сюда этого урода из кухни!

Узкоглазый охранник уже волок за шиворот Дениса.

Фоменко отшвырнул меня, и я упала назад вместе со стулом. Он же бросился с Денису и со всей силы ударил его кулаком в лицо.

– Где моя дочь?! – рычал он, захлебываясь слюной. – Где моя дочь?!

Я увидела, как по скуле Дениса ползет красная дорожка крови.

Наконец белобрысый охранник пришел в себя и стал оттаскивать шефа. Узкоглазый отпустил Дениса, и тот рухнул на пол, как мешок с картошкой. Фоменко пыхтел, как паровоз, и яростно матерился.

Демичев наклонился надо мной. В его глазах был ужас.

– Света, простите, ради Бога! Я не ожидал!

– Суки долбаные... Сектанты проклятые... – упырь стоял полусогнутый, прислонившись спиной к стене, и вытирал кровь с руки моей занавеской, висящей между комнатой и коридором. – Убью всех... Тварь... Узнаю, что это ты ей помогла, убью. Тебя, всех твоих родственников, друзей и соседей заодно. Весь барак этот спалю. Нелюди! Твари вонючие. Зачем только землю топчете?!

Он выпрямился и пошел из квартиры, покачиваясь, как пьяный. Охранники ринулись за ним.

Демичев сидел передо мной на корточках.

– Господи, даже не знаю, что сказать... Если бы я знал, что так получится... Слушайте... – он полез в карман. Вытащил оттуда пятитысячную бумажку. Покраснел. В ответный взгляд я вложила всю ненависть, отпущенную мне природой. И кажется, его проняло. Деньги он спрятал, потом встал.

– Я могу для вас что-нибудь сделать?

– Можете, – ответила я. – Передайте привет Коле Мищенко. Скажите ему, что он за это заплатит.

Мои маленькие радости – заметить проблеск уважения в его синих странных глазах.

Затем я увидела, что на фикусе ослепительно горит капля. Значит, Максимка уже дома.

Глава 4

Я проснулась из-за того, что звонил телефон.

Шевельнула плечом, с меня посыпались на пол стеклянные бутылки. Хорошо, что на полу лежали доски, гнилые настолько, что они уже стали мягкими. Бутылки не разбились, а просто ушли на дно, к остальному мусору, накопившемуся с шестидесятих годов. Встревоженно зашептались мыши.

Я вытащила руку, нащупала телефон, поднесла его к уху, стараясь не двигать головой. Голова была до краев заполнена дурью, одно движение – и дурь польется наружу.

– Так больше нельзя, – сказал в трубке голос Дениса. – У меня нет сил смотреть на это саморазрушение. Я больше не приеду. Прощай.

– Привези еще таблеток.

– Нет. Зачем ты себя убиваешь?

Вопрос был философский. Требующий не ответа, а длительных рефлексий. Так что я задумалась. Вдохновленный моим молчанием, Денис продолжил:

– Звонили из твоего кружка, послали тебя матом. Сказали: еще раз сунешься – морду набьют.

– А еще интеллигенты... Привези таблеток.

– Иди к черту!

Я отшвырнула трубку и полежала еще немного. Затем рискнула сменить положение головы. Еще через пять минут

приоткрыла глаза. Комната кружилась, но не сильно – а как карусель в парке.

Я ожидала позова к рвоте, но организм молчал. Наконец я поняла в чем дело: нечем. Я, видимо, очень давно не ела.

Эта мысль придала мне смелости. Пошатываясь, я встала. Подошла к окну.

Вытаращилась: под окном соорудили новую детскую площадку. Да какую! С резиновым зеленым покрытием, пластиковым лабиринтом и даже двумя железными тренажерами для взрослых. Блин, я ничего не пропустила? Власть в городе не сменилась?

К одному из тренажеров подошел Тигран и ну крутить туловищем. Загорелый, довольный, с голым торсом. Подкралась Лида с таксой. Воровато оглянулась, запустила собаку на детскую площадку. Та немедленно наложила кучу. Тигран завопил, начал размахивать кулаками. Лида визгливо закричала. Из окна подо мной раздался громовой рык Макарычева. Этому лишь бы поучаствовать. Он психопат и чью сторону примет, заранее не угадаешь. Я прислушалась: а, господ ругает.

Тигран меня серьезно встревожил. Это сколько же я была в отключке, если он успел вернуться с юга? Он ведь говорил, что забронировал гостиницу на три недели.

Увы, вот уже несколько лет я именно так провожу июль – в ауте. Место хорошее и недорогое... Проклятый месяц... Все плохие события в моей жизни происходят в июле. И главное

плохое, и плохие помельче, и совсем маленькие плохие, и малюсенькие плохие....

Я прошла по комнате матросом, широко расставляя ноги. Мне очень хотелось есть. Но в холодильнике от съедобного осталась одна вонь. В кошельке – ни копейки. На карточке – ноль. Можно представить, что мне ответят, если я позвоню на работу.

Где взять деньги? Я даже прослезилась от жалости к себе. И тут снова зазвонил телефон.

Номер не определялся.

– Света, это Демичев. Помните? Мы приезжали к вам по поводу Гали Фоменко.

– Нет, не помню, – сказала я.

– Как ваши дела?

Если бы так не тошнило, я бы, пожалуй, посмеялась: поди, и следить-то за мной продолжают. Все ждут, когда я выйду с ней на связь. Это сколько же им пришлось сидеть в кустах у моего барака, пока я пила водку и глотала таблетки? Неужели месяц? Загар у Тиграна какой-то бледноватый.

Сил не было ни на смех, ни на разговоры.

– Всего хорошего, – сказала я и нажала «отбой».

Он немедленно позвонил снова.

– Света, у меня к вам серьезный разговор.

– Слушайте, я повторяю еще раз, последний. Я никогда не встречалась с Галей Фоменко. Вы должны знать, что с 2011-го года я не занимаюсь сектами. Мищенко ведь вам все это

рассказал.

– Да, рассказал.

Прижав трубку к уху, я начала обшаривать карманы зимней куртки. Наверняка что-нибудь завалилось.

– И тем не менее можно я приеду?

– Нельзя, – ответила я, переходя на плащ. И снова нажала «отбой».

Из джинсов удалось выудить два рубля. Вот и весь улов. А жрать захотелось так, что даже кишки скрутило.

Я набрала Дениса.

– Ничего не хочу слушать! – сказал он.

– Займи две тысячи.

– Я деньги, между прочим, не копаю.

– Я отдам.

– Как это ты отдашь, интересно, если тебя уволили?

– Ну дай, я умираю от голода.

– Да нет у меня денег, – расстроено сказал Денис. – Зарплата только через два дня. Хочешь, Стасу позвоню, он тебя накормит?

– Хочу.

Через пять минут я вышла к причалу.

Шумел водопад у плотины, крикали утки. На террасе, сооруженной из досок, ящиков с туями и деревянных переключателей, развевались белые полотняные занавески. Раскачивались кокосовые кашпо с хвостами петуний. Ветерок с Десны весело трепал прокатные лодки и катамараны.

Я огляделась. Мир изменился. Пока я валялась на грязных простынях, лето сильно сдвинулось вправо. Листья потускнели, на конских каштанах расцвели ржавые пятна.

Звуки приобрели гулкость. Они всегда остро реагируют на приближение осени.

Позвякивание ложечек, веселый звон кофейных чашек, всплески женского смеха – за всем этим тянулся шлейф эха. Я кашлянула – звук ушел к стене, затем вернулся, полным сил. Воздушные потоки словно сдурели. Теплые, ледяные, влажные и сухие слои нагородили причудливые лабиринты – лето заканчивается. То ли еще будет. В ясные морозные октябрьские утра я любила охотиться на эхо в самых неожиданных местах – посреди Ботаковского поля в километре от Троицка или на обочине ночного Ленинского проспекта...

Я посмотрела на экран мобильного: да, наступил август. Итого, визит упыря обошелся мне в двадцать дней, проведенных на дне самого черного из водоемов.

Зато июль прошел.

Из ресторана на летнюю террасу выбежал Стас с подносом. Увидев меня, он заговорщицки подмигнул и показал глазами на служебный столик за клеткой с лебедями. Там меня ждала половинка пиццы, тарелка плова и стакан лимонада.

Я села за стол, откинулась на спинку стула, подставила лицо солнцу. Как жить дальше? Из кружка уволили, это как пить дать. Где брать деньги? Что, блин, кушать? Вот эти объ-

едки?

Мимо меня проковылял индюк. Он распушил хвост и тряс своей соплей на носу. Гордый такой.

Я вытянула ногу и дала ему хороший пинок...

К своему бараку я вернулась через полчаса. Возле подъезда стояла Ламборджини, на турнике подтягивался Демичев. Здоровый, лощеный, в костюме и галстук.

– Добрый день, – крикнул он, не прекращая подтягиваться. Даже дыхание не сбилось, мощный чувак.

Я обошла его машину, зашла на площадку, села на лавочку, достала из кармана пластинку жевательной резинки.

– Сорок, сорок один, сорок два... – считал он вслух.

– Как вы так быстро приехали?

– А я был у Фоменко. Он ведь живет рядом с вами. В «Подмосковных вечерах»... Фу-у-у.

Он приземлился, поправил галстук, подошел ко мне.

– Короче, у нас тут возникла идейка. Может, поработаете на нас?

Я меланхолично выдула пузырь.

– Алексей Григорьевич хочет, чтобы вы нам помогли. Он очень впечатлен вашей биографией. Как жаль, что мы не знали о ваших способностях полтора года назад.

Пузырь лопнул.

– Знаете, мы ведь уже совсем отчаялись, и вдруг узнали, что смерть Арцыбашева была инсценировкой. Мы подумали, что теперь дело сдвинется с мертвой точки... Потом узнали

про вас, как-то все завертелось. И вот прошло два месяца – и ничего... Может, у вас будет новый взгляд на все это? Наш взгляд точно замыленный. Мы за эти полтора года уже перестали отличать важное от неважного. Я вот даже аванс привез. Сто тысяч рублей.

Он залез в карман и протянул деньги – новенькие остро пахнувшие пятитысячные купюры. Мне так захотелось их взять, что даже зачесались ладони.

– Ну что вы как ребенок? – сказал он. – Почему не хотите-то? Обиделись? Простите его, у него дочь пропала.

Я пожала плечами.

– Почему не хотите, Света?

– Потому что она не в секте. Искать там – бессмысленно.

– Я тоже так считаю. И я не прошу вас искать в секте. Я прошу вас просто искать...

Из подъезда вышел Тигран. Довольный, он осмотрел двор, привыкая к солнечному свету. И тут увидел Ламборджини. Рот его трогательно приоткрылся.

Я отвернулась, посмотрела на небо.

– Света, вы же разумный человек, – сказал Демичев. – Алексей Григорьевич сказал, что заплатит десять тысяч долларов за каждый факт, который сочтет важным. И двести тысяч долларов, если вы ее найдете.

Жевательная резинка вдруг показалась мне безвкусной. Я вынула ее изо рта. Ломаясь дальше, я становилась смешной даже для себя самой.

– Напомните, пожалуйста, где вы нашли мой телефон.

– Через месяц после ее исчезновения мы обнаружили ее машину. Она стояла на бесплатной стоянке в Солнцево. Он был в бардачке.

– Кажется, записан на бумажку...

– Не совсем.

Левой рукой он достал из внутреннего кармана небольшой листок, упакованный в пластик. Его я взяла.

Я увидела номер своего мобильного и ниже слово «Света». У листка была шапка: «Салон «Одаликс». Красота как искусство» и два желтых квадрата сбоку. Я вдруг поняла, что уже видела этот знак.

– Так это листок из фирменного блокнота? – произнесла я. – Полиция мне этого не говорила.

– Ну... Они ведь не знали, кто вы и как связаны с ее исчезновением. Они осторожничали.

– Больше осторожничать не надо?

– Да что ж теперь, – вздохнул он. – Полтора года прошло. Какая уж теперь осторожность...

– И что такое «Одаликс»?

– Салон красоты. Но не возлагайте на этот факт особых надежд. Мы разговаривали с ними несколько раз. Ни вы, ни Галя там никогда не были.

– Я не была, это точно...

Затем я помолчала, глядя на свое отражение в окнах Ламборджини.

И сказала.

– Давайте деньги. Я попробую.

Глава 5

Салон «Одаликс» оказался в Сокольниках, во дворах, почти в такой же заднице, что и мой барак. Даже, пожалуй, поконцептуальнее: он занимал угол туберкулезной клиники.

Внутри салон больше напоминал склад – какие-то коробки, пустые стенды, парикмахерские кресла, обернутые пластиком. И лишь в глубине – пара зеркал, в которых отражались скучающие мастера в черных фартуках с желтыми квадратами.

– Господи! – сказала администраторша за стойкой. – Да полтора года назад нас тут всех чуть не поубивали. Понаехали мордвороты, стали предъявлять этот несчастный листок...

Администраторше было лет пятьдесят. Красивая, увядающая женщина, увешанная золотом. Слишком шикарная для этого задрипанного места.

Я огляделась. Одна стойка представляла различные средства для укладки. Все банки были с желтыми квадратами. Такие же квадраты я увидела на ручках круглых расчесок, лежащих перед администраторшей.

– И что? – спросила я. – Вы ее не вспомнили?

– Да не была она у нас! Никогда не была. Мы даже клиентов своих потом опрашивали, фотографию ее показывали – ее никто никогда не видел.

– А я у вас была?

– А вы не помните? – удивилась она, потом задумалась, оценивая меня оглядела. – Честно говоря, не думаю. Голова у вас неухоженная.

Я тоже осмотрела ее прическу. Хорошая.

– Наши клиенты богаче вас, – миролюбиво объяснила администраторша.

– Но не такие богатые, как эта пропавшая девушка, ведь так? Она была для вас слишком богатая.

– А вот и нет, – обиделась администраторша. – Между прочим, мы работаем с лучшими средствами мира. Вы не смотрите на интерьер. «Одаликс» – это сегмент «лакшери».

Я снова посмотрела на коробки. Везде эти желтые квадраты и слово «Одаликс».

Как много коробок для двух мастеров...

– Слушайте, – сказала я. – Так ведь, получается, что «Одаликс» – это название производителя.

– Да. Швейцарский производитель профессиональных средств.

– Значит, вы не только салон красоты. Вы еще и дистрибьютеры?

– У меня эксклюзивный договор, – гордо согласилась женщина. – Владелец марки был ко мне равнодушен... – она улыbnулась и подмигнула мне. – Были когда-то и мы рысачками...

– То есть вы поставляете эту продукцию другим салонам?

А заодно дарите свои блокноты, правильно?

– Блокноты, фартуки, постеры.

Сегмент «лакшери». В моей жизни был только один период, когда я могла иметь к нему отношение. Это весна 2012-ого. Как же ее звали, этого мастера? Мне дала ее Липницкая – я тогда так хотела быть красивой... Она приезжала ко мне на дом. В июле 2012-го года я стерла все свои контакты... Как же ее найти?

Я задумалась. На дому она подрабатывала, а постоянно работала в каком-то салоне, откуда и таскала эти краски и щетки. Я рассказывала ей про Алтай, она говорила: «Красивые небоскребы». И еще говорила: «Удобно, скоро будет метро. Буду выходить со станции прямо к себе на работу, даже по улице идти не надо»...

– У вас есть партнеры в «Афимолле» в Сити? – спросила я у администраторши.

– Сейчас нет. А раньше были. Салон «Белль»...

День оказался воистину удачный – она была на работе. Высокая тощая с короткой стрижкой. Только теперь брюнетка. Увидев ее, я вспомнила и имя – Анята.

Она сидела за стеклянной витриной и ковырялась в мобильном. Клиентов не было. Да и вообще, «Афимолл» казался вымершим. Все эти сияющие коридоры, атриумы, эскалаторы, рестораны и магазины пустовали. Мне повезло, что ее салон еще не разорился.

Впрочем, я знала, что к вечеру, когда из Сити повалит

толпа офисных работников, торговый центр ненадолго ожи-
вет. Ведь станция метро здесь прямо в магазине.

Я неподвижно стояла перед витриной, так что Аня за-
ерзала и подняла взгляд от телефона.

Прошло уже три года, но она меня сразу узнала. Заулыба-
лась, махнула рукой. Я зашла внутрь.

– Привет.

– Привет, дорогая.

Аня чмокнула меня в щечку, тронула пальцами прядь
моих волос, покачала головой.

– У! Как все запущено!

– Остальные мастера тебе в подметки не годятся.

– Так в чем проблема? Только на дом я больше не езжу...

Что? Подстричь?

– Я по делу.

– Народ стал экономить, – неодобрительно заметила она. –

Кризис...

– Анют, полтора года назад ты дала кому-то мой номер
телефона.

Она слегка напряглась.

– Что-то случилось?

– Да нет. Просто расскажи, кому. Если помнишь.

– Такое разве забудешь, – сказала она. – Мне за него пять-
сот баксов дали.

Я подумала, что ослышалась.

– Пятьсот баксов?

– Ну да.

– И кто этот придурок?

– Я ее не знаю, – призналась она. – У меня тут сидела клиентка, Наташка Рубцова. Я отошла краску смешивать, а когда вернулась, она разговаривала с какой-то бабой. Эта баба ей говорила, что ищет поселок Белуга. На Алтае. Что ей нужны люди, которые в этом разбираются. И что она заплатит. Ну, я и вспомнила – ты же все про Алтай рассказывала. И была в этой Белуге.

– Я была в «Белогорье».

– А это не одно и то же?

– Нет.

– А чего называется одинаково?

– Ну, во-первых, не одинаково, а во-вторых, на Алтае это священная гора, и там много названий вокруг этого... Так, а дальше?

– Ну, я и написала ей твое имя и телефон.

– На фирменном листке.

– Взяла что-то, что под руку попало. А она мне хрясь – пятьсот баксов вывалила! Шиза, конкретно. Все, больше я ее не видела.

– Слушай, а как найти эту Наташу Рубцову?

– Она в Гуанчжоу живет. Здесь наездами. Но по вичату можно. Но лучше не звонить, а голосовое отправить.

– Давай по вичату.

– Ну, наговаривай.

Она протянула мне свой телефон, а я вдруг застыла соляным столпом. Месяц погони за призраком, потом этот мерзкий визит ее отца, три недели депрессии – и вот здравствуйте, явственный след на снегу прошлого...

«Наташа, здравствуйте. Меня зовут Света. Полтора года назад Анюта в парикмахерской в «Афимолле» дала вашей знакомой мой телефон. Это связано с Алтаем. Скажите, эта ваша знакомая – кто она? Это очень важно».

Она нажимает на экран.

По коридорам торгового центра вдруг проходит волна ветра, тянущая за собой прозрачный пластиковый пакет и круглый комочек июньского тополиного пуха. Кажется, что это полетело мое сообщение. Оно унесло за собой часть моего мира: на Восток, над Алтаем – в Китай.

– ...Ну, что за цвет, а? Ты же не девочка уже, надо краситься! Ой, господи, а это что – типа, челка? Это теперь называется челка? Где такие мастера рукастые?

– В Троицке.

– А это где?

Нежный мелодичный перелив. Пи-и-иимм. Она протягивает мне телефон.

«Здравствуйте, – говорит равнодушный голос. – Ваш телефон взяла Галя Фоменко».

Мой голос пускает петуха.

«Откуда вы ее знаете?»

– ...Я бы тебе посоветовала кератиновое выпрямление.

Можно заламинировать. И слушай, пора уже филлеры использовать. Или ты хочешь ходить бульдогом?

Пи-и-иимм

«Мы учились с ней в МГИМО».

«Вы можете мне все подробно рассказать? Зачем ей нужен был мой телефон?»

Ответ долго не приходит. Анята продолжает критиковать мой внешний вид, я исхожу мелкой влажной дрожью.

Пи-и-ииммм.

«Анька, индюшка старая, я слышу твой смех на заднем плане! Как там Москва?» – Наташа хихикает, пока я, белая, держу ее голос в левой руке.

– Сама ты индюшка! – восторженно комментирует Анята.

«Короче. Я приезжала в Москву на Новый год. Пришла в салон, а мимо шла Галя. Она меня увидела в витрине и зашла. И говорит: слушай. Ты же из Барнаула. У тебя там нет ментов знакомых? Мне нужны люди, которые были в одной секте. «Белуга», что ли, я уже не помню. Я прямо при ней позвонила дяде – он начальник уголовного розыска. Он сказал, что знает одного. Он был в этой секте в конце девяностых. Но Галя сказала, что ей нужны те, кто там был с 2001-го по 2004-ый. Я говорю: тогда нет. Тут Анята подошла. Услышала нас и говорит: у меня, типа, клиентка есть – специалист по Алтаю, туристка. И была в этой «Белуге». И Галя ей раз – пятьсот баксов выложила. Мы на самом деле обалдели».

«А вы не можете вспомнить точно, дословно – что именно

она хотела от этих людей? Может, она хотела вступить в эту секту, узнавала, как туда добраться? Или что-то еще?»

– ...Одна клиентка сделала это армирование, сто пятьдесят штук вывалила. Ну, не знаю. Уже через полгода все сосалась, обвисло. По-моему, деньги на ветер. Золотые нити всяко лучше. Кстати, послушай, как у меня живот хрустит! Озоном вчера накачалась...

Пи-и-иимм.

«Она сказала, что ей надо срочно показать вам какие-то фотографии для опознания. Она прямо так и сказала: для опознания. Вы извините, я больше не могу разговаривать. До свиданья... Анюта, я тут себе такую биозавивку сделала, ты умрешь!»

Глава 6

Я думала, что офис Демичева окажется под стать его машине – но нет, две небольшие белые комнаты в подвале на Севастопольском проспекте. Не Ламборджини – Жигули. Фактурная штукатурка на стенах, плитка «соль и перец», мебель из «Икеи».

Я голову вывернула, пытаюсь хоть за что-нибудь зацепиться, хоть за постер какой. Нет, даже лицензии в рамочках отсутствовали.

Среди этой полустертой белизны я чувствовала себя неудобно, поэтому изъерзалась на пластиковом стуле, так что он, доделывающий какие-то свои дела за письменным столом, даже поднял от бумаг удивленный взгляд.

– Где роскошь? – спросила я в ответ, – Где иранские ковры? Вы же олигарх.

– Я не олигарх. И Фоменко не олигарх. Мы просто обеспеченные люди. По меркам Москвы, даже не богачи...

– Я, видимо, живу в какой-то другой Москве.

Он пожал плечами.

– Единственная наша слабость – это хорошие автомобили. Но вы, наверное, знаете: в Москве это распространенная история. Машина хорошая, а денег на бензин нет.

– Но у вас-то есть?

– Пока есть... Короче, у нас здесь вроде как детективное

агентство. Если называть вещи своими именами, это игрушка Алексея Григорьевича. Зато здесь тихо, я люблю здесь работать.

– У вас ведь и в Сити есть офис?

– И у меня, и у Алексея Григорьевича. Но там тоже не шикарно. Мне незачем пускать пыль в глаза, я никого на бабки не развожу, понты не кидаю. Помогаю Фоменко отжимать и переваривать имущество – заводы, пароходы...

– Типа, вы «Мезим-форте»?

Он хмыкнул.

– Можно и так сказать... У вас же есть время? Я сейчас дочитаю один договорчик, и мы поедем.

– Куда это? – удивилась я.

– Алексей Григорьевич сказал, что заплатит вам обещанные десять тысяч. Мы сейчас едем к нему.

– О, не надо было так беспокоиться! – Я махнула рукой. – Можно без церемоний. Деньги мне отдадите вы, этого достаточно. Разрешаю даже не надевать фрак – это не Нобелевская премия.

– Нет. Он хочет с вами все обсудить.

– Так вот ведь какая закавыка: я не хочу!

– Он вам так сильно не понравился?

– И с чего бы? – иронично поинтересовалась я.

Он немного помолчал, размышляя.

– Скажите, а вы правда считаете, что разоблачение вашей бывшей деятельности может быть опасным для вас?

– Именно так.

– А вы не преувеличиваете? Эти секты, вряд ли они такие мощные.

Я помолчала, глядя на белую стену. Потом спросила:

– Помните, был такой генерал Лебедь?

– Конечно, помню.

– Однажды он в каком-то интервью назвал мормонов «плесенью». Ну, он всякое говорил, мужик-то был прямой, без затей, но именно после этих слов на наше правительство было оказано такое давление со стороны США, что Лебедь потом в каждом интервью, по поводу и без повода, извинялся в течение нескольких лет. Боевой генерал, на минуточку...

– Ну, мормоны. Кажется, они и правда влиятельные. Но это в США.

– Когда у российской секты «Богородичный центр» отбирали незаконно занятое здание в центре Москвы, письмо с протестом писал лично Жириновский. Руководитель этой секты Береславский в конце 90-х выступал на конференции, организованной думским комитетом по геополитике... Боюсь, вы этих ребят недооцениваете.

– Я имел в виду, что они вряд ли способны убивать.

Я вытаращила глаза: придушивается, что ли?

– Сергей, а вы что-нибудь слышали о «Ветви Давида» или о «Народном храме» или, может, об «Аум Сенрикё»? Да там сотни жертв!

– А «Белуха»? – спросил он. – Это была опасная секта?

– Да, там были жертвы, – сказала я. – Именно из-за них «Белуху» и запретили... А почему ваша Галя стала интересоваться сектами?

– Как раз это я и хотел вам объяснить. Перед разговором с Фоменко вы должны это увидеть. Вечером двадцать пятого декабря 2013-го года, то есть за три дня до исчезновения, в ее ай-клауде появился скрин-шот странички о секте «Белуха». Это произошло ровно через три часа после вот этого события.

И он кликнул компьютерной мышкой.

– Идите, смотрите.

Я подошла к нему и наклонилась над экраном компьютера.

Это была запись с камеры наблюдения.

На записи – зима.

Камера установлена на заборе перед воротами. Первые секунды ничего не происходит, затем ворота разъезжаются и на дорогу выкатывается спортивный автомобиль. Он только начинает набирать скорость, как неожиданно наперерез машине из кустов выскакивает мужчина в темной куртке и джинсах. Он бежит лицом к камере, и лицо его видно очень хорошо.

– Кто это? – спросила я.

– В машине – Галя. Она выезжает из своего дома в «Подмосковных вечерах». А мужчина – это Арцыбашев.

– Ваш ключевой свидетель? Тот, кто потом инсценировал свою смерть?

– Именно. Два месяца назад он умер. Теперь уже по-настоящему, от инсульта. Здесь в Москве. Его труп нашли в машине, которая попала в аварию.

– Помню, полтора года назад менты меня про него спрашивали.

– Смотрите.

Мужчина размахивает руками и что-то кричит. Машина останавливается. Стекло водителя, видимо, опускается. Мужчина подбегает к водительской двери и наклоняется, скрываясь из вида.

– Вот их первая встреча, – тихо произнес Сергей над моим ухом. – В три часа Галя отправилась в спортивный клуб. И здесь у ворот он ее поджидал.

– А кто он вообще?

– Пенсионер из Эссентуков. Бывший полицейский. Первый раз в Москве. Приехал купить подержанную машину.

– Раньше они не встречались?

– Нет, никогда. Не было также ни звонков, ни электронных писем. Мы точно знаем, что два предыдущих дня он безвылазно сидел в гостинице, а до этого безвылазно сидел в Эссентуках. И вот, что получается: они незнакомы, но Галя останавливается, опускает стекло и внимательно его слушает. А ведь она была очень осторожной. Увидев незнакомого человека, она должна была испугаться и, наоборот, дать по

газам.

– Приехал за машиной... – взглядываясь в стоп-кадр, сказала я. – Умеете читать по губам? Может, он кричит: «Продайте мне машину!»?

– Вы только при Алексее Григорьевиче не шутите на эту тему, ладно?

– Ясен перец. Ну, судя по тому, что вы строите догадки, с этим Арцыбашевым поговорить вы так и не успели.

– Когда мы его вычислили – это было в середине января – он уже погиб на пожаре в Ессентуках. Точнее, инсценировал свою смерть.

– И вам осталось читать по губам.

– Да...

Я внимательно смотрела на экран.

– Двадцать пятое декабря... А где в это время был сам Фоменко?

– За границей. Катался на лыжах. Они с женой уехали восемнадцатого декабря, вернулись двадцать восьмого.

– В день, когда Галя исчезла?

– Да. Они уже не увиделись.

– Итак, вас удивило, что она открыла окно незнакомому человеку.

Сергей снова кликнул мышкой, но запись словно застыла. Очевидно, Арцыбашев продолжал стоять, нагнувшись к ней.

– Мы думали, что он мог, скажем, попросить о помощи, типа, там на дороге человек умирает, что-то еще...

– Глупости, – перебила я. – Она бы уже давно закрыла окно и уехала. Максимум, что бы она сделала – это вызвала по телефону «Скорую». А они вон – все еще болтают. У меня ощущение, что говорит, в основном, он.

– Да. Мы смотрели пленку с экспертами. Они тоже заметили, что он жестикулирует. Его рука иногда видна... Мы еще не знали, кто этот мужчина, но все пытались понять, что он кричит, когда бежит наперерез...

Я с огромным любопытством посмотрела на Демичева.

– И долго пытались?

– А что?

– Все прекрасно видно. Вначале он несколько раз одинаково разевает рот, потом говорит пару коротких фраз.

Теперь уже он смотрит на меня с любопытством.

– И что это значит?

– Слушайте, ну это же элементарно. На какое слово мы все реагируем одинаково – останавливаемся и опускаем стекло?

– Ну, теперь-то я знаю. Эксперты мне это сказали. Он несколько раз выкрикивает ее имя и фамилию.

– Да. А потом, видимо, кричит что-то вроде того, что у него есть очень важная информация, которая касается ее или ее семьи.

– И как вы догадались?

Я даже растерялась.

– Так... Это же понятно...

– Здорово, – сказал Демичев. – Хотя мне, например, не

понятно.

Человек, стоящий у машины, наконец выпрямляется в полный рост. Затем он достает из кармана телефон, смотрит на него и нажимает на кнопки. Но к уху не подносит.

– Итак, он рассказал что-то убедительное, – пробормотала я. – И она дала ему свой номер телефона. Позвонила ему, он сохранил...

– Да. По распечатке звонков и узнали, кто он. Сопоставили время на камере. Заодно выяснили, что она звонила ему еще один раз – на следующий день. В это время он уже был в Эссентуках.

– То есть двадцать восьмого его в Москве уже не было?

– Не было.

– И с чего вы взяли, что эта встреча имеет отношение к ее исчезновению?

– Нам больше не за что было зацепиться. Двадцать восьмого декабря она просто уехала из дома и исчезла. От нее не осталось никаких следов. Ни одного следа за полтора года поисков.

– Ну и что?

– Он был единственный незнакомый человек, появившийся в ее окружении незадолго до исчезновения. Мы так и не смогли выяснить, о чем они говорят. Зато сразу после этой встречи в ее айфоне появился скрин-шот о «Белухе».

– Это оттуда фото Константинова?

– Да.

– Значит, до этого она «Белухой» не интересовалась?

– Ни «Белухой», ни другими сектами.

– Никогда?

– Никогда.

– Может, ее мать была с этим связана?

– Да ну нет, что вы. Ее мать умерла в восемьдесят девятом.

– Нью-эйдж, какой-нибудь сетевой маркетинг, типа «ам-вэя»? Неопознанные летающие объекты?

– Нет. Галя начинает собирать информацию о «Белухе» вечером двадцать пятого декабря. Она ищет любые факты, которые когда-либо появлялись об этой секте. Мы опросили всех ее знакомых, подробно изучили программы телепередач и расписания кинотеатров, публикации в СМИ, новости, искали какой-то повод для такого интереса. Повода не было. У нас остался только разговор с Арцыбашевым.

– Вы сказали: «она начинает собирать информацию». Что значит «собирать»?

– Она создала папку на компьютере...

– Которую назвала как? – повернулась я к нему.

Он помолчал.

– Которую назвала «Мальчик».

– «Мальчик»? Почему «Мальчик»?

– Понятия не имею.

– Что еще вы нашли в этой папке?

– Очень много фотографий.

– Каких?

– Света, – сказал он. – Сегодня Алексей Григорьевич отдаст вам все материалы. Чтобы вы могли их изучить. Пожалуйста, не бойтесь его. Он не такой страшный. Клянусь вам, что прошлая сцена не повторится. Он вменяемый человек. Я ведь работаю с ним и до сих пор жив, не так ли?

– Покажите еще раз начало пленки, – приказала я.

И снова из ворот выкатилась машина, и ей наперерез побежал кричащий человек.

Я кликнула мышкой. Арцыбашев закрыл рот.

Кликнула еще раз.

Он открыл рот и застыл.

«Как интересно, – подумала я. – Это ударное «о»... Откуда оно там?»

– Поехали? – спросил Демичев.

Я перемотала и посмотрела еще раз. Видно очень четко, ошибки быть не может. Ударное «о»...

– Странный гражданин, – сказала я. – Ему бы машину искать по рынкам, а он едет за город. Машину-то он в итоге купил?

– Нет. Жена сказала, что он просто присматривался. Узнавал, можно ли что-то купить на триста тысяч.

Я повернулась к адвокату и посмотрела ему в глаза.

– Серьезно?

Он пожал плечами, но ничего не сказал.

– У человека накоплено всего триста тысяч, но он может себе позволить съездить в Москву, чтобы присмотреться?

Вы сказали, что он сидел в гостинице. Он даже не у знакомых жил?

– У него не было знакомых в Москве.

– Офигеть. Но послушайте, если его тело нашли в разбившейся машине, кто был за рулем? Поди, знакомый, нет? Или таксист?

– Знакомый. Он погиб в этой аварии. Таджики, строитель. Мы уже все выяснили. Они познакомились на стройке в Наро-Фоминске год назад. Вместе работали, там же жили. По нему мы тоже все дадим.

– Мда...

– Поехали, Света.

– Поехали, – сказала я.

Глава 7

Поселок «Подмосковные вечера» был создан в пятидесятые годы. Тогда это был дальний район области: глухие леса, патриархальные деревеньки, болотистые берега Десны, заросшие ветлами. В центре реки – пустынный островок. Лишь на пригорке – новый санаторий министерства машиностроения, протянувший к островку подвесной мост

В конце шестидесятых леса потеснились – с разных сторон начали лепиться к заборам «Подмосковных вечеров» новые соседи: дачи, садовые товарищества, военный городок, детский кардиологический санаторий, трехэтажные бараки для его обслуживающего персонала, а затем и окраины Троицка.

Это была странная смесь престижных поселений и пригородных трущоб. В итоге весь этот причудливый мир занял гигантскую территорию, перегороженную сотнями разнокалиберных заборов.

В 90-е годы жители «Подмосковных вечеров» – все сплошь писатели и композиторы – решили отгородиться от стремительно меняющегося мира. Они скинулись и поставили забор на дороге, ведущей через поселок в Троицк. Но было поздно: к этому моменту здесь уже возникла сложная система калиток, уводящих в разные стороны. Появился настоящий лабиринт, план которого, как правило, был известен

только местным: к калиткам вели неприметные тропы между участками, они выводили в самые неожиданные места, а некоторые двери в заборах были защищены имитацией замков, так что лишь опытный пользователь знал, что дверь открыта и ее надо просто толкнуть.

Я была как раз таким опытным пользователем.

Оказавшись в своем бараке два года назад, я тихо умираю. Ни с кем не общалась, сидела, как зверь в норе, зализывала раны. Меня тогда спас велосипед: тупо, кручение педалей с утра до вечера. И все эти гектары подмосковного Шанхая стали моим лекарством.

Я каталась по лабиринтам улиц и троп, вырубивала к заброшенному дому культуры, потом к Десне, в ушах свистел ветер, я на полной скорости влетала на остров посреди реки и там, прислонившись к полуразрушенной колонне ротонды, смотрела, как стихает подмосковный вечер, как он становится неподвижным, как блестит зеленая лунная дорожка или ползут по воде безмолвные клочья тумана.

И обратно, через липовый парк, через детский кардиологический санаторий – к своему барaku...

И вот – сегодня я впервые въезжаю в «Подмосковные вечера», как белый человек, на машине. Да на какой машине! Всю дорогу я проспала, так что теперь тру глаза, приходя в себя.

Поднимается шлагбаум, в окне будки сонно моргает охранник поселка. Кажется, мы с ним проснулись в один

миг; мелькает мысль, что и вернулись мы из одного сна. Я трясую головой: взбредет же в голову спросонок.

Мы проезжаем еще метров двести – и вот они, знакомые ворота. Они разъезжаются, я вижу столетние ели, а за ними огромный дом, похожий на замок. Со всех сторон его окружают цветы. Они вздымаются каскадами, переваливаются через каменные ограды и растекаются по изумрудной траве.

Демичев открывает дверь, я выхожу на дорожку, мощеную гранитом. Иду мимо багровых фонтанов барбариса.

У гранитной лестницы врос в землю узкоглазый охранник с косичкой.

Мы заходим в просторный холл. Он абсолютно пуст, единственная вещь – антикварный комод, над которым висит gobelen. На комодe – бронзовая скульптура монгольского воина с луком. Воин похож на охранника с косичкой. Сам охранник идет за нами.

Холл залит светом, мрамор пола блестит.

Длинный коридор, увешанный картинами, с десятком дверей в разные стороны. Поворот – и мы в огромном каминном зале, отделанном деревянными панелями, с дубовым кессонным потолком. Одну стену зала занимают книжные полки. По углам стоят рыцарские латы. Стеклопанельная дверь распахнута в сад, я вижу большой бассейн с деревянными палубами и шезлонгами. На одном шезлонге – длинные женские ноги. Кто там расположился, мне полностью не видно. Но кто-то красивый.

Фоменко сидит в центре зала, в кресле. Перед ним на столике тяжелый хрустальный стакан, несколько бутылок виски, папка в кожаном переплете, а также целая груда женских колец и браслетов. Спиной ко мне незнакомый мужчина перебирает книги на полках.

– Познакомьтесь, – говорит Демичев. – Это наш юрист – Владимир Снегирев.

Человек у полка поворачивает ко мне бесцветное лицо и выдавливает какое-то подобие улыбки.

– А там у бассейна – жена Алексея Григорьевича. Алина.

На этих словах ноги приходят в движение. Хозяйка ног встает и подходит к кромке бассейна. Теперь она видна полностью. Это эффектная худая блондинка с длинными волосами. Она в белом блестящем бикини. Блондинка лениво спускается по лесенке в воду. Золотой занавес волос закрывает ее лицо, поблескивая на солнце.

– Здравствуйте, – говорю я.

– Здравствуйте, – слегка смущенно отвечает Фоменко. – Присаживайтесь. Пить будете?

– Я не пью, – говорю я и сажусь в кресло.

Услышав мой ответ, юрист Снегирев снова оборачивается и громко хмыкает. Я была права. Они за мной-таки следили весь месяц. Что за идиоты!

– Сережа передал мне, что вы кое-что выяснили.

– Да.

– Итак, теперь мы знаем, откуда у нее ваш телефон.

– Судя по всему, появление моего телефона – это ошибка, – говорю я. – Парикмахерша подумала, что «Белуха» и «Белогорье» – это одно и то же.

– И тем не менее этот факт согласуется с остальными.

Он протягивает мне кожаную папку. В ее центре профессионально выбит прямоугольник, на нем – золотая надпись «Мальчик». Такое невиданное оформление материалов дела я встречаю первый раз в жизни, поэтому даже зависаю на несколько секунд.

Затем поднимаю кожаную обложку.

– Кстати, спасибо, что приняли мое предложение, – деревянным голосом говорит Фоменко.

На внутренней стороне обложки я вижу отстроченный карманчик, из которого торчит золотая флэшка.

– Я старомодный человек, – объясняет Фоменко. – Не могу читать с компьютера. Поэтому попросил все распечатать... Но если вы предпочитаете электронный вид, все сохранено на этой... ну...

– Флэшке, – подсказывает Демичев.

– Да.

Я листаю пластиковые файлы. Статья из «Википедии» о секте «Белуха», страничка «Экспресс-газеты» о том, как секту разгоняли, фотографии Константинова, отрывки из книги Дворкина «Сектоведение». Есть и еще одна статья, она из журнала «Благо». Называется статья «6 признаков одержимого: как опознать сектанта».

После этого начинаются фотографии. На них – праздник в помпезном золотом интерьере, утопающем в лентах и цветах. Над лоснящимися мордами людей висят хрустальные сугробы люстр. На потолках горят круги подсветки. Везде серпантин, розы, рюши, колонны, рюмки и разгоряченные тела.

Вот Демичев в дурацком колпачке приставил рожки художнику парню в очках с черепами. Этот же парень – крупно, он разговаривает по мобильному, держа в другой руке пузатый фужер коньяка. Две растрепанные бабы изображают канкан. Фокусник пускает огонь из рукава, ведущая Лера Кудрявцева представляет Потапа и Настю.

– Что это? – изумленно спрашиваю я.

– Это день рождения Алексея Григорьевича, – говорит Демичев. – 12 ноября 2013 года. Он праздновал его в доме приемов «Сафиса». Было около ста гостей. Галя фотографировала на айфон. 26-го декабря она перенесла эти фотографии в папку «Мальчик».

Я продолжаю листать.

Похожий на чиновника мужик застыл с вилкой, поднесенной ко рту. Четыре смущенных охранника в черных костюмах, засыпанных конфетти, выстроились в ряд. Снова те же охранники, только теперь каждый из них – крупно. Узкоглазый с косичкой улыбается в объектив. Белобрысый недовольно нахмурился. Группа черноглазых товарищей зачитывает поздравление. Парочка в стиле «Неравный брак» от-

плясывает у сцены. Юрист Снегирев что-то орет в микрофон, обхватив дебелую блондинку. Еще множество мужчин и женщин. Парадное фото на лестнице. Чье-то размытое лицо на фоне огненных фонтанов и шаров.

И неожиданно: сияющие зубы Белухи.

Я вижу дату, когда фотография горы появилась в папке.

Это 27 декабря 2013 года.

Галя Фоменко скачала одиннадцать снимков. Гора в полдень, гора на закате, гора на фоне зеленых долин и окруженная выюгами. Я отмечаю, что дочь Фоменко интересовал строго определенный ракурс.

После раззолоченной пьянки гора поражает своей стерильностью. В абсолютной тишине она высится над Алтаем, и ее вершина слегка курится ледяной поземкой. Черные нити камней сбегают к подножью.

Мне вдруг становится страшно.

Нет. Мне становится очень страшно.

– Что ни говорите, ребята, но это связано с сектой, – проносит Снегирев, отходя от полок. Теперь он встает у стеклянных дверей и начинает равнодушно наблюдать за женой Фоменко, плавающей в бассейне.

– А вот я не согласен, – сердито говорит Демичев. – И я не понимаю, почему ты так упорно носишься с этой версией.

– Да ничего я не ношусь. Я, вообще, могу молчать. Но вы же не будете отрицать, что в последнее время Галя казалась чужой. Отцу грубила. Спросите вот у специалиста, – он по-

казывает рукой на меня. – Это же типичные признаки сектанта. Это и в книгах написано. Первым делом они все начинают считать близких врагами. Ведь так?

Я молчу, и он недовольно морщится.

– Света, ведь так? – переспрашивает он. – Ведь могло быть так, что этот Арцыбашев наплел ей всяких чудес? Ведь вербуют же! И вроде, разумные люди, но с ума сходят и все. Почему мы думаем, что нас это не коснется?

– А что – Арцыбашев был связан с сектами? – спрашиваю я.

– Нет, – говорит Демичев. – Мы изучили его биографию, ничего не нашли.

– А кто-нибудь в его окружении?

– Нам таких найти не удалось. И, Володя, ты же знаешь: «Белуха» была разгромлена в 2004 году. Конечно, иногда бывает, что секты восстанавливаются под другими именами. Но именно эта секта уже не существует.

– Зато существуют десятки других сект! – восклицает Снегирев. – Господи, ну вспомните, как она себя вела! Ну, вспомните, ради бога!

– Она переживала, – говорит Демичев.

– А с чего ей переживать-то было? – возмущенно спрашивает Фоменко.

– Вы поженились...

– И что? Что – ей пять лет, чтобы из-за этого переживать?

– Действительно! – поддакивает юрист.

– Ты, Володя, обещал молчать.

– Все! – юрист поднимает руки. – Дело ваше, я вообще, не лезу. Алина Андреевна! – кричит он блондинке. – А баттерфляем вы можете?

Она не отвечает. Стоит на краю бассейна, вытирает волосы полотенцем.

Фоменко наливает себе очередной стакан.

– А вы что думаете? – спрашивает он меня.

Я в это время изучаю статью из «Блага». Она очень милая. Так сказать, сектантство для чайников. Особенно меня забавляет «пристрастие к заглавным буквам в переписке». Но в принципе, все верно. «Признаки недосыпания». Это уж точно главный опознавательный знак. Вот только слишком многие в Москве носят его на себе...

– Что вы думаете, Света? – повторяет Фоменко. Язык его уже слегка заплетается.

Я собираюсь ответить, но тут в зал заходит Алина, на ходу надевающая белый махровый халат.

– Леша, пойдем обедать, – говорит она мужу.

– Ты что не видишь, я занят? – скидывается он. – Сейчас закончу и пойдем!

Алина пожимает плечами и садится в кресло перед журнальным столиком. Начинает медленно надевать на руку кольца и браслеты. Рука у нее тонкая, почти невесомая.

– У меня есть пара вопросов, – говорю я. – Где и когда вы, Алексей Григорьевич, встречались с Арцыбашевым?

– Алексей Григорьевич никогда не встречался с Арцыбашевым. Он его не знает, – отвечает юрист Снегирев и садится на диван напротив меня. – Этот вопрос был закрыт еще полтора года назад.

– Никогда! – подтверждает Фоменко. – Я его не знаю.

– А почему вы спрашиваете? – интересуется Демичев.

– Факт их знакомства следует из записи на камере наблюдения, – объясняю я.

Они молчат несколько секунд.

– Какой записи? – говорит Снегирев. – Вы имеете в виду ту запись, когда Арцыбашев остановил Галю у ворот?

– Именно.

– И как же этот факт оттуда следует, интересно?

– Она остановилась и слушала его около десяти минут. А значит, он должен был назвать ее по имени и фамилии. Но в том, что он кричал, не было ударного «а». Зато было ударное «о». На записи это прекрасно видно.

– Что ударное? – изумленно спрашивает Фоменко.

– Ударное «о».

– И что значит это ударное «о»?

– В слове «Галя» нет ударного «о», – вежливо объясняю я.

– В слове «Фоменко» есть «о»! – восклицает юрист.

– Безударное.

– Вы что-нибудь понимаете? – интересуется Снегирев, оборачиваясь по сторонам. – Или один я такой тупой?

Демичев пожимает плечами.

– Короче, – говорю я. – Скорее всего, это слово «дочь». Он несколько раз спрашивает ее: «Вы дочь? Дочь Фоменко?». И если это именно Арцыбашев сообщил Гале информацию о «Белухе», то информация предназначалась вам, Алексей Григорьевич.

Он даже поперхнулся коньяком. Затем вытер рот рукой, тараща глаза.

– Я никогда не встречался с Арцыбашевым! Я ничего не знаю о «Белухе». Глупости какие-то! Да что ему от меня нужно было, этому Арцыбашеву? Зачем он хотел рассказать мне про эту чертову секту?!

Видно, что Фоменко сильно разволновался. Так волнуются люди, которые столкнулись с чем-то необъяснимым. Я внимательно наблюдаю за упырем и не вижу на его лице ни тени смущения, свойственного лгушим людям.

История кажется мне все более странной.

– Ладно... Тогда скажите, – я показываю на папку. – Кто из этих людей был связан с сектой «Белуха»?

И снова они молчат, недоуменно глядя на меня: Фоменко, Снегирев, Демичев, охранник с косичкой, даже Алина поднимает свои прозрачные зеленые глаза.

– Никто, – фыркает юрист.

– Вы хотите сказать, что за полтора года полиция не нашла этого человека?

– А что тут удивительного? – поднимает брови юрист. – Среди наших знакомых нет сектантов. Да мы бы знали. Этих

сектантов сразу видно.

– Кстати, вот эта статья, про признаки, – Фоменко, глотнув коньяка, показывает рукой на папку. – Как она, на ваш взгляд? Точная?

Я пожимаю плечами.

– Ну, в общем, да. Просто слишком многие подпадают под эти определения. Вот, например, «заезженная пластинка». Многие из нас зацикливаются на какой-то теме. Не только сектанты.

– Ты, Володя точно зациклен. – бросает Демичев. – Может, ты сектант?

Снегирев закатывает глаза.

– Или, например, «использование кодовых слов», – продолжаю я. – Они так делают, но так же делают и те, кто с ними борется. Насколько мне известно, люди, которые в нашей фирме занимались Константиновым, называли его «Дон Педро». Это тоже кодовое слово.

– Почему «Дон Педро»? – спрашивает Демичев.

– Потому что когда его последователи выходили в мир, ну там, ездили по делам, они использовали для общения пароль...

Алина уже надела все свои кольца. Она встает и идет к выходу. Шумит фильтр бассейна, на соседнем участке гудит газонокосилка.

– ...Они называли свою секту «Парагвай». Так они узнавали друг друга. «Привет тебе из Парагвая».

Жена Фоменко останавливается в дверях и резко оборачивается.

– Вы сказали: «привет тебе из Парагвая»? – изумленно спрашивает она. – Но...

Неожиданно она сбивается, на ее лице мелькает страх.

И тут раздается грохот. Фоменко от испуга подсакивает в кресле. В углу зала стоит охранник с косичкой, возле него валяются упавшие рыцарские латы.

– Извините, – смущенно говорит он. – Наверное, уборщица забыла закрепить.

– Господи! Как ты меня напугал! – Фоменко хватается за сердце.

Я не свожу глаз с волшебного акварельного лица его жены. Я вижу красные пятна, выступающие на скулах. Нет, это не страх – это стыд. Я даже рот приоткрываю от любопытства. Но она уже прошмыгнула в коридор.

– Что-то мне нехорошо... – язык упыря заплетается. – На сегодня хватит... Вы, там, наметьте план действий... Ладно? Я пойду...

Он тяжело встает, я закрываю папку.

– Я вас провожу, Света, – Демичев тоже встает. – Заодно все обсудим...

Глава 8

Мы вышли с ним на улицу.

– Алексей Григорьевич, как обычно, забыл про деньги, – хмыкнул он. – Но вы не волнуйтесь. За эту Наташу из Гуанчжоу вам заплатят.

– Я не волнуюсь.

– Давайте я вас довезу.

– Так здесь же рядом.

– Ну как рядом? Даже на машине минут десять.

– Две минуты пешком.

Он удивился, поэтому я пояснила.

– Есть секретные калитки.

– Да? А я езжу через Калужское шоссе... Можно, я с вами пройду?

– Ради бога...

Мы вышли за ворота.

– Красивая жена у Фоменко, – сказала я.

– Да, – не очень охотно согласился он. – Но глуповатая.

Поэтому Галя была недовольна.

– А когда они поженились?

– В марте 2013-го. Кстати, я их и познакомил. И потом, откровенно говоря, пожалел. Но я не думал, что он на ней женится...

– Почему?

– Да господи, миленькая сотрудница автосалона, таких в Москве тысячи. Я ее приметил, когда искал машину. Он сказал мне, что ищет красивую покладистую любовницу, я почти в шутку их свел. А он вдруг запал и потащил ее в ЗАГС. Для меня это было очень неожиданно. Он мужик умный, я думал, что такие не женятся с бухты-барухты. Впрочем, в тот момент я сам его еще плохо знал.

– Сейчас знаете лучше?

– Да, конечно.

– И почему он женился?

– А он, вообще, не любит долго выбирать. Не тратит на это время. Берет первое попавшееся. К тому же она, по-моему, разыграла историю с беременностью. А он всегда мечтал о сыне.

– Но она не родила?

– Как-то эти разговоры заглохли. Не знаю, что произошло, я не расспрашивал. Повторяю, что я его тогда плохо знал и с ним не откровенничал. Мы познакомились буквально за пару месяцев до этого, в начале 2013-го.

– Как познакомились?

– Нас свел Снегирев. Фоменко искал партнера для покупки спиртового завода.

– Зачем ему нужен был партнер?

– У него было недостаточно денег. Там нужно было очень много вложиться.

– А вообще, откуда у него деньги? – спросила я.

Демичев на ходу сорвал веточку туи, размял в пальцах, понюхал.

– Девяностые годы, Омск...

– Ах так. Нефть?

– Нет, как ни странно. Мягкая мебель, строительные материалы. Еще покупал агропромышленные предприятия. Но в Омске был ужасный бизнес-климат, он почти разорился и уехал оттуда в конце девяностых.

– А, извините за нескромный вопрос, откуда деньги у вас?

– Я покупал и перепродавал недвижимость в Москве. Выгодное дело в начале двухтысячных... Ничего себе! Я и не знал, что здесь есть тропинка!

Мы уже свернули в проход между участками. Это был узкий коридор, образованный заборами, тенистый и сырой. Не успели мы подойти к калитке, как сзади услышали тяжелое дыхание.

Мы обернулись синхронно. Нас догонял белобрысый охранник.

– Что-то случилось? – спросил Демичев.

– Алексею Григорьевичу с сердцем плохо, – объяснил тот. – Он меня за лекарством послал. Здесь за калиткой аптека...

В ту же минуту в приоткрытую дверь протиснулась бродячая собака. Я ее знала – безобидное плешивое существо. Она обходила все эти поселки в районе четырех часов дня – дань собирала.

Увидев нас, она почему-то вздыбила шерсть и зарычала, пригнув голову.

Дальше произошло и вовсе невероятное. Охранник вдруг дернул рукой и собака отлетела на несколько метров, ударившись об забор. Затем она вскочила на ноги и молча рванула обратно в дверь.

– Терпеть не могу собак, – спокойно сказал охранник. – Я побегу, ладно?

И скрылся в калитке.

Мы с Демичевым уставились друг на друга.

– Он ненормальный? – спросила я.

– Да черт его знает... Вообще-то, он родом из Узбекистана. Русский, но вырос среди мусульман. А они собак не любят.

– И это повод их бить?

Он развел руками.

Мы тоже прошли в калитку – отсюда уже был виден двор моего барака.

– Ну надо же, – изумился Демичев. – Как кротовая нора. Даже не верится, что мы так быстро дошли. Оказывается, вы живете буквально за его забором... – он посмотрел на меня, кашлянул. – Света, я не совсем понял суть ваших расспросов, там, в доме. Почему вы считаете, что кто-то из знакомых Алексея Григорьевича был в секте «Белуха»?

– Но ведь на фотографиях со дня рождения – весь его ближний круг. А рядом статья – «Как опознать сектанта». И

меня Галя искала для опознания.

– Но вы должны понимать, что целая армия детективов изучала Константинова. Если бы он был связан с кем-то из ближайшего окружения Фоменко, мы бы это узнали. Кроме того, мне кажется, вы плохо о нас думаете. Мы не инквизиторы и не сжигаем людей за их религиозные убеждения.

Я так удивилась, что даже остановилась.

– А кто здесь говорит про религиозные убеждения? – спросила я.

– Вы говорите про секту.

– И?

– В нашей компании не принято навязывать вероисповедание. Поэтому зачем человеку это скрывать? Чего ему бояться?

– Так и я о том же.

Он пожал плечами.

– Простите, Света, я не понимаю.

– Послушайте, Сергей. Боюсь, что слово «секта» затуманило мозги не только вам, но и вашей армии детективов. Секта – это ведь не только учение. Это цепь событий, географическое место, группа людей, наконец. Все указывает на то, что Галя искала человека, связанного с «Белухой». Может быть, это не имеет отношения к ее исчезновению. Но она его определенно искала. И то, что его до сих пор не нашла полиция, является плохим признаком.

– Так, может, его и нет?

– Либо он тщательно шифруется. И это странно.

– Не очень понятно, но вам виднее, – сказал он. – Что собираетесь делать дальше?

– Надо лучше изучить дело.

– Я вышлю остальные материалы.

– Да, конечно.

– Слушайте... я еще хотел спросить... Как вы догадались, кто вас сдал? Как вы узнали, что это Мищенко?

Я усмехнулась, потом ковырнула носком землю.

– Всего хорошего, Сергей.

Когда он скрылся за калиткой, я зашла на детскую площадку. Было тепло, тихо, лишь Лидина такса визжала где-то вдалеке, на берегу Десны. У мусорки, выискивая пивные банки, возился румяный, отмытый до блеска Максимка.

Я села на лавочку, положила папку на колени, прислонилась затылком к яблоне. Потом закрыла глаза. Передо мной завертелись лопасти вертолета. В лицо ударил ветер.

Пригибаясь, пробежал омоновец.

Молодая женщина прижала ребенка к подолу цветастой юбки.

Руководитель «Белогорья» стоял с рукой, козырьком приложенной ко лбу. Я видела его лицо во всех подробностях – и злые сжатые губы, и крючковатый нос, и бородавку под глазом.

Ника уже сидела в вертолете рядом с отцом.

Я бросила на них прощальный взгляд – уставший и вы-

сокомерный. Я опять победила. Завтра я вернусь в Москву, где меня ждет лучший мужчина земли. Он меня любит, да и есть за что. Скоро мы с ним поженимся. Сколько счастья у меня впереди!

Тут я увидела, как этот папаша положил руку между ее ног. Она побелела. В ней вдруг проступил ребенок – напуганный и отчаявшийся ребенок десяти лет. Из тех детей, которым не суждено повзрослеть, и они об этом уже знают.

И вот тогда я все поняла. Паззл сложился, все совпало: и эта его яростная неразумная настойчивость насчет штурма, и навязчивые расспросы о наших с ней разговорах, и его нежелание, чтобы я выводила ее на искренность, ну и, конечно, ее признание на валунах у Катуня.

Меня будто по башке стукнули, и в мозгу загорелась лампочка.

Но изменить ничего уже было нельзя – вертолет поднялся в воздух.

Помню, как я рыдала, сидя на полу в гостинице Барнаула, а Черт, Марыся, Липницкая и Виталик ошеломленно смотрели на меня, даже не пытаясь успокоить. Потом Виталик, самый разумный и опытный из нас, сказал, что во-первых, я могу ошибаться, а во-вторых, мы ведь можем ей как-то помочь? Ну, законы-то есть?

Короче, мы совещались дня два, а потом уже в Москве попытались на нее выйти. Ха-ха. Попробуйте, подберитесь к богатею, если он не хочет, чтобы вы к нему подобрались.

И пока мы строили наивные планы, похожие на игру Варкрафт, прошло еще два дня, и она покончила с собой. Еще через два месяца нам кто-то сказал, что он арестован.

Мы все были пришиблены этой историей. Еще недавно мы были крестоносцами, благородными рыцарями веры. Но теперь наш прекрасный Иерусалим рухнул. Мы даже не могли смотреть друг другу в глаза. И уж тем более, мы, словно связанные никогда не произнесенной клятвой, больше не вспомнили мои слезы, не вспомнили и дурацкие планы по ее спасению.

В это время в нашем офисе и появился Коля Мищенко – новый сотрудник. Единственный из нас, кто узнал только официальную версию. Которую вы мне и изложили, Сергей.

Вот так я поняла, кто меня сдал.

Но об этом я не скажу даже на исповеди.

Глава 9

Ух ты! Сколько же я пропустила!

Жизнь бьет ключом. За время моей депрессии в России пропали без вести шесть тысяч человек.

Этот песок неостановимо падает в игольное ушко судьбы. Триста человек в день, сто двадцать тысяч в год, миллион двести тысяч за то время, пока я была молодой.

Я расправила листовку «Лизы Алерт».

Оказывается, по закону их будут искать ровно пятнадцать лет. Но почти наверняка они найдутся раньше.

Найдется и Галина Фоменко. И скорее всего, найдется живой...

Мы сильно преувеличиваем любовь к дому. На самом деле, стоит человеку оторваться от привычного окружения, как он понимает: ничего страшного не произошло. Жить можно и в другом месте.

Девяноста три процента пропавших в России – это миллион историй, в которых нет никакого криминала.

Мужики уезжают на заработки, а потом не желают возвращаться. Старики с Альцгеймером забывают собственное имя и адрес. Подростки отправляются на поиски романтических приключений. Чиновники, отключив телефоны, уходят в запой в командировке. Бизнесмены бегут от кредиторов.

Упырь прав: если ее труп не найден, она, скорее всего, жи-

ва.

Кстати, в виде трупов будет найден один процент пропавших. И подавляющее большинство этих бедолаг убьет не убийца с ножом и пистолетом. Убьет вода. В этом смысле наша страна предоставляет богатейшее меню. Вода со всех сторон, в любой впадине: океаны, реки, озера, моря, лужи, утонуть в России очень просто. Но все-таки, это лишь один процент – вероятность ее гибели ничтожна.

Есть, конечно, и последние семь процентов. В общем-то, немало. Этих не найдут никогда. Но если следовать логике предыдущих соотношений, большинство из этих людей – это те, кто умеет прятаться. Остальных утащили особо хитроумные водоемы. На чудовищное злодейство, вроде серийного убийцы, складывающего тела жертв в холодильник, остаются сотые доли сотых долей.

Но одного у этих историй не отнять. Неизвестности, изводящей хуже, чем любой кошмар. Это уже не преддверие ада – это его ядро, полыхающее черным огнем отчаянья.

Я задумалась: каково это? Поди, плохо? Как живется упырю последние полтора года? То-то он нервный.

...Марыся вышла из подъезда, близоруко прищурилась. Маленькая, худенькая, в джинсах. На спине – рюкзачок, на ногах – черные берцы. Надо же, совсем не изменилась.

Словно испуганное травоядное, она просканировала окрестности: нет ли хищников поблизости. Это тоже осталось в ней от прошлой жизни. Я с удовольствием ждала ее

взгляда – все чувства так чудесно видны на этом лице с острым носиком и веселыми конопушками на щеках.

Марыся всегда замыкает сканирование в западной части горизонта. Так у нее устроена шея. Так что я специально встала напротив солнца. Меня она увидит в самом конце обзора. Есть и еще один нюанс – ее лицо на полном свете, а я – в темном облаке. Сейчас она начнет вглядываться, не веря своим глазам.

Вгляделась. Поверила. Теперь уже ее глаза лезут на лоб. И вот – она бежит через дорогу ко мне. Щеки у нее покраснелись, губы сами собой растянулись в улыбке.

– Господи, вот это сюрприз! Ты откуда?! Можно тебя поцеловать?

– Что за телячьи нежности?

– Нет, правда! Светуль, можно я тебя поцелую? Вдруг ты привидение?

– Целуй, – щедро разрешила я.

Она чмокнула меня в щеку.

– Живая, теплая! Откуда ты здесь?

– Приехала к тебе. Ты на метро?

– Не, в метро рамки поставили... На автобусе.

– Ну, пошли, провожу...

Мы пошли к остановке. Марыся посматривала на меня с улыбкой.

– Все? Все закончилось? – простодушно спросила она.

Она никогда не отличалась особой деликатностью. Хозя-

ин называл ее дурочкой. Но мне ее простодушие нравилось. Я считала его честностью в выражении чувств. Что человек думает, то и говорит. Какое благо! Все остальные такие сложные.

Она посмотрела на листок в моих руках.

– Ты что – изучаешь наши листовки?

– Интересно. Я не знала, что так много находят.

– Почти всех.

– Значит, ты нашла свое место в жизни...

В 2011 году, после истории с Никой, для нашей фирмы начались черные времена. Как ни крути, получалось, что мы – сообщники ее папаши-педофила. Уклонение от уплаты налогов, нелегальная деятельность, похищение совершеннолетней, насильственное удержание, дошло до двести девятой и двести десятой – организация преступного сообщества и бандитизм. В общем, запахло такими статьями, что само их перечисление отчетливо вырисовывало десятку.

«Белогорье» было мирным экологическим поселением, решения суда о его закрытии не было, уж не знаю, сколько этот чиновник заплатил местному ОМОНу или на какие еще рычаги он нажал, чтобы подвигнуть их на вооруженное нападение. Там ведь и ребенка какого-то напугали до заикания. А уж когда всплыло дело о педофилии, власти буквально сдурели от ярости. На папашу стали вешать все, что было в те годы нераскрытым. Разумеется, мы пошли за ним паровозиком, стали, блин, звеном всемирной педофильской сети.

На полгода, но все-таки: вдумайтесь! Наш хозяин отбивался, как мог, а потом махнул рукой – спасти фирму было нельзя.

Очень жаль, что при этом ухнули в никуда и наши гигантские базы данных по сектам мира. Полиции они не понадобились, а может, и понадобились, но хозяин в отместку заныкал всю информацию. Включил обидки.

Там было много интересного.

Вот пример: дело той же Гали Фоменко. Даже ее папаша-миллионер не смог в свое время выяснить, что руководитель секты «Белуха» был арестован и осужден под другим именем. Полиция не знала, что наркодилер Стругацкий – это и есть Александр Константинов. Гад имел безупречный паспорт. Он к тому же был Кощеем Бессмертным – хранил свои золотые клады, собранные за десятилетие потрошения лопухов. Его иголка была в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц, видимо, в Швейцарии. Дядя выстроил надежные катакомбы, не предусмотрев только одного – что станет наркоманом. Но даже в наркотическом угаре он свято хранил свою тайну. Он был уверен: ее никто не узнает.

Но мы знали. Мы следили за всеми, мы находили их следы в самой глухой тайге, чертили кровавые цепочки их судеб и складывали эти данные в компьютерную тьму. Ох, и сокровища там хранились! Бесследно ли они пропали? Ну, ничто на земле не проходит бесследно. До меня уже доходили слухи, что Мищенко прикарманил базы данных. Он ведь покидал тонущий корабль последним – как капитан. Зная его ха-

раक्टर, могу утверждать: последним, но не пустым.

Мы с Марысей ушли раньше всех – в октябре 2011-го. Но оставаться без дела нам было трудно, и мы устроились сиделками в Детскую клиническую больницу – нянчили там детдомовских детишек. Потом Марыся сказала: «Чувство вины – плохой советчик. Мы забиваем гвозди микроскопом. Какие мы с тобой сиделки? Мы бегалки. Пошли лучше в «Лизу Алерт»?».

Она-то точно бегалка. Однажды Марыся должна была вывести из секты бабу с грудным ребенком. Платил муж бабы, банкир. Баба, в общем, легко пошла на контакт, но руководитель общины о чем-то догадался. Ситуация сложилась опасная, надо было срочно выбираться. И тут этот муж перестал выходить на связь. Как оказалось потом, он банально запил. Не выдержал напряжения.

Так Марыся с этой бабой и ребенком трое суток шла по тайге. И-таки вышла!..

– Как дела-то? – спрашиваю я. – Как ты тут работаешь?

– Да пипец, – отвечает она. – Грибники начались. Уже пять трупов. И главное, все в камуфляже. Очень трудно искать. Зачем они в лес надевают камуфляж? Как ты думаешь?

Я пожимаю плечами.

– Как их убедить, чтобы надевали яркое? Мы уже и по телевизору объясняем... Вчера чувачка нашли, – она оживляется: чувачок живой, это всегда приятно, – Воспалением легких отделается, даже лисички дотащил. Виталик нам свой

вертолет дает. Удобно.

– У Виталика свой вертолет?

– Он это... инвестиционный банкир. Как-то так.

Мы одновременно прыскаем.

– Ну, а ты чем занимаешься? – спрашивает она. – Как ты?

– Да так, – пожимаю я плечами. – Кружок рисования в

Троицке.

– Мищенко звонил, – говорит Марыся. – Сказал, что тобой серьезные дяди интересовались. По поводу Гали Фоменко.

– И он меня сразу сдал, засранец.

– Не может быть! – пугается она. – Ты же знаешь, как он к тебе относится.

– Он сказал им, где я работала...

– Света... – она молчит несколько секунд. – Это уже в открытом доступе... Есть базы данных в Интернете, там все наши фамилии и даже фотографии. Ты не знала?

– Нет. Я уже три года не вбивала в поиск наше название. – зло отвечаю я.

– Зря. Там много чего...

– Кстати, по поводу Мищенко. Как его найти, не знаешь?

– В Парк-Плэйсе сидит. В холле. Каждый день в два часа точно застанешь. Только не деритесь.

– Да больно надо... Слушай, а «Лизу Алерт» тоже к ее поискам привлекали?

– Конечно. Там всех подняли: и нас, и мотоциклистов, и

охотников, и даже нацистов. Папаша конкретно башлял...

– И?

– Как сквозь землю провалилась. Никаких следов. Выехала из загородного дома и с концами. Да и поздно он тревогу забил. Самое важное – это первые сорок восемь часов. А он спохватился аж через три дня.

– Почему?

– Ну, девка-то взрослая. К тому же он был за границей, а перед этим они поссорились. Потом он приехал, ее набрал, она не ответила. Я так поняла, у них это в норме. У него на телефоне был маяк ее мобильного – он показывал, что она где-то на Коштоянца. Мы в этом районе и искали. Все дворы облазили... И что им от тебя надо?

– Они думали, что она в секте. У нее в компьютере нашли фото Константинова.

– Понятно...

– Марысь, я по этому поводу и приехала. Ты же его вела.

– Ну.

– У тебя досье сохранилось?

– Ну, – неохотно соглашается она. – Вообще, зря ты в это лезешь... Там много мути...

– Например?

– Дон Педро, сука, был миллиардером. Какого черта он занялся сбытом наркотиков?

– Бывает.

– Мне говорили, что в колонии он голодал... А когда по-

мер, деньги-то не объявились.

– Хорошо спрятал. Короче, пришли, ладно?

– Упрямая, – одобрительно говорит Марыся. – Тогда хочу тебе еще кое-что сказать. Мы когда эту Фоменко искали, я запомнила. Не была она в районе Коштоянца. Всяко след проявился бы. Мобильник ее подбросили. В какой-нибудь люк. И знаешь, больно удачно подбросили: папаша в итоге три дня ушами хлопал. Когда они ругались, она часто у подружки ночевала, она аспирантка в МГИМО и хату там снимает. Понимаешь? Он, если видел, что она там, то и не парился.

– Да. Это мог знать только знакомый.

– Хорошо знакомый, – поправила она. – Светуль, ты хоть по нам скучала?

– А то!

Я вру. Прошло слишком много времени, все перегорело. Я умерла и родилась заново. Теперь я вижу новую землю и небо в алмазах. Мое имя – «Светлана» – то же самое, но состоит из других звуков. И даже сны другие снятся, ей-Богу.

Мы уже подходим к остановке. Вдруг Марыся пригибает голову – словно высматривает что-то на асфальте слева от себя. Я знаю этот взгляд – такой прием расширяет периферийное зрение. Так что Марыся, на самом деле, смотрит назад. Я удивленно оборачиваюсь. Почти вплотную к нам идет крепкий парень в черной куртке. Он кажется мне немного странным, но никакой опасности я не чувствую. Я не успе-

ваю спросить Марысю, почему она напряглась, как она вдруг бросается к парню – и огромный черный нож уже уперся в его пах. Парень реально отваливает челюсть.

– Дышишь, сука! – шипит Марыся. – Я тебя по дыханию еще на Шаболовке вычислила! А ну пошел отсюда, пока яйца не отрезала.

Парень превратился в соляной столп, какой-то мужичонка с портфелем, вышедший из офисной двери метрах в двадцати впереди нас, испуганно шарахается и бежит к машине. Машина, взвывая, трогается с места. Парень отступает назад и молча припускает к углу дома.

Марыся стоит, играет ножом.

– Ну, покажи, похвастайся, – говорю я.

Она, словно нехотя, демонстрирует.

– Бенчмейд, черная серия... Виталик подарил...

– Не боишься таскать? Это же для спецподразделений.

– Да ну... – отмахивается она.

И вот ради такой демонстрации, она напала на бедного парня. В этом вся Марыся.

– Что еще новенького? – спрашиваю я, чтобы сделать ей приятное.

Она оживляется, начинает выворачивать карманы.

– Ну, куботаны, смотри, какие хорошие появились, смотри, чехол с перцовым картриджем для айфона, пластиковый ножик хороший, зител дельта дарт, мы его специально на свинопуховике проверяли...

– Это что?

– Да туша свиная с мешком глины, в куртку заворачиваешь и бьешь... Кончик потом обломался, но можно подточить, зато никакой металлодетектор не берет. В метро можно ездить...

Марыся свернула на любимую тему. Я смотрю на нее с улыбкой.

– Ладно, Марысь, – говорю наконец. – Мне пора.

– Хочешь, посидим где-нибудь в кафе? – неискренне предлагает она.

Я знаю, что сидение в кафе для нее – мука смертная. Вот ножички пометать – это да.

Я чмокаю ее в щеку, она бежит за автобусом.

Я захожу за угол и останавливаюсь. Парень, который шел за нами, теперь стоит возле огромного черного джипа и разговаривает с двумя угрюмыми кавказцами. Они скользят по мне серьезным взглядом, потом что-то негромко говорят. Я уж начинаю беспокоиться, как рядом с ними останавливается полицейская машина. Обрадованная, я делаю шаг – и снова торможу.

Из машины выходит мент. Его расхлябанная походка кажется мне очень странной – менты так не ходят. К тому же его гражданская рубашка распахнута до пупа, на груди висит золотой крест на длинной цепи. Мент подходит к этой группе, и они начинают ему что-то объяснять. Все четверо снова скользят по мне досадливым взглядом, но, кажется, я

их совсем не интересую.

Я осторожно оглядываюсь. Вот то место, где Марыся наставила на парня нож. Впереди офисная дверь, над ней – вывеска банка.

И тут я начинаю так хохотать, что мне приходится отступить за угол, чтобы продышаться.

Марыся не выпендривалась! Она, действительно, по дыханию вычислила бандюка! Вот только не мы ему были нужны, а видимо, чувачок с портфелем – типичный «черный обнальщик». Марыся спутала всю их операцию. Парень должен был отобрать портфель, потом подъехал бы джип, а липовый мент отсекал бы погоню. Я хохочу, вытирая слезы рукой, на меня удивленно косятся прохожие.

Парень был явно с пистолетом – эти ребята ходят под самыми серьезными из всех существующих статей уголовного кодекса. И попадись мы ему уже после захвата денег, он бы застрелил нас, не задумываясь. Но по пустому, без особой необходимости они и пальцем не шевельнут.

Так что я даже схулиганила – проходя мимо, показала им язык. Один из кавказцев лишь покачал головой, другие продолжили свои тихие обсуждения.

Можно не сомневаться, что в один из ближайших дней чувачка все равно распотрошат.

А не вози!

Глава 10

Демичев обещал предоставить мне материалы, но так ничего и не выслал. Дело обычное: это для меня все завертелось совсем недавно, поэтому я пока энтузиаст. Они же прошли путь длиной в полтора года. Ужасный путь. Там были надежды, было «вот-вот», было «опять не то» – сплошные подъемы и спуски. Не думаю, что они рассчитывают на меня всерьез. Просто они могут себе позволить эти гальванические движения. Еще один путь, ведущий в никуда. Для успокоения совести.

Так думают они.

А что думаю я?

Случай Гали Фоменко меня тревожит, я чувствую, что за ним открывается бездна, при взгляде в которую кружится голова.

Что-то отжившее и отчаявшееся, подобно осеннему листу, чертит круги над этой простой историей.

Ничего не подозревающая девушка опускает стекло, и коренастый ставропольский пенсионер, приехавший в Москву за машиной, говорит и говорит, захлебываясь.

Безмолвные круги расходятся от этого немого разговора, и безропотной водомеркой в их плен попадаю я.

Что это: случай? Судьба?

И я уже не могу успокоиться: я иду по ее следам.

Марыся прислала мне полное досье. В нем – сотни страниц. Я не люблю посещать этот мир, но деваться некуда. Полтора года назад Галя Фоменко скачала в свой телефон фотографию этого человека.

Я открываю Марысины файлы. И вот – постное благостное лицо шкодливо косит взглядом.

Святой. Представитель Шестой Расы, о как. Как же так получилось, что советский невропатолог, кандидат медицинских наук Александр Константинов стал святым?

Прежде чем получить ответ на этот вопрос, я открываю кожаную папку с золотыми буквами.

В левой части бирюзового неба висит идеальный треугольник Белухи.

Гора это маленькая, меньше пяти тысяч метров. Красивая, вне всяких сомнений, но маленькая. Ее даже смешно сравнивать с главными вершинами мира, но гонору-то, гонору.

Впрочем, оно и понятно. Все эти святые, типа Константинова, слабы кишками лезть в настоящие пупы земли. А тут – Алтай, климат мягкий, власти далеко, красиво опять же, солнечно. И даже тень Гималаев накрывает эти места своей невыносимой жутью.

Я ставлю фотографию перед собой – для вдохновения.

Итак, в семидесятые годы Александр Константинов – красавец и бабник. Он певец Грушинских фестивалей, блистательный участник уфологических диспутов в Новосибир-

ском Академгородке. Мелкий стукачок, выдающий себя за знатока нейролингвистического программирования. Любит намекать, что по заказу органов разрабатывал методы воздействия на толпу. Может, и разрабатывал... В общем, советский интеллигент во всей своей красе.

И разумеется, он яростный противник презервативов.

Вот он со своей бабой, получившей прозрение после пятого аборта – надо думать, в начале восьмидесятых это была еще та процедура.

А как она получила прозрение? Да элементарно. Как все получают. Потеряла сознание от боли, а когда пришла в себя, заявила, что ей только что явилась Дева Мария, и теперь она не младший научный сотрудник Бийского Научно-исследовательского Института химических технологий, а Посланица Шестой расы эры Водолея.

Я, вообще, поражаюсь Деве Марии. Общаться с этими советскими тетями, делавшими по двадцать аборт за жизнь...

После обморока Посланица очнулась не только с шизофренией, но и с новым именем. Имя это – Парана, в честь реки, протекающей через Аргентину, Бразилию и Парагвай. Видимо, участок мозга, ответственный за школьные уроки географии, пострадал у Посланицы последним.

Место Паране в психушке, но начинается перестройка. Советская психиатрия, а также невропатология, Новосибирский Академгородок и Грушинский фестиваль – в глубокой

заднице. Наступило время больших денег и великих сумасшедших.

Они вещают вдвоем – Константинов и его баба. Кончатся восьмидесятые, можно снять небольшой зал в Сростках, вообще-то, предназначенный для Шукшинских чтений, но теперь же вроде как рынок. Потом они переезжают в залы Горноалтайска, Бийска, Барнаула – наворачивают круги вокруг Шамбалы, благословленные музеем Рериха.

Вот они получили грант от крупного экологического фонда – значит, надо отрабатывать. И теперь группа последователей отправляется в тайгу, к Белухе, чтобы выяснить, сколько времени можно прожить на кедровых орехах и меде.

Последователи о гранте не знают – им изложена другая версия. Что Шестая Раса, в идеале, вообще, кушать не должна – весь хавчик должен добываться из воздуха. Но пока, типа, кушайте орехи, твари несовершенные.

В девяноста пятом происходит небольшая накладка – двое младенцев отбрасывают коньки, так как их организмы категорически не приемлют орехов, а их мамы категорически не приемлют грудное вскармливание. Но органы опеки девяностных медлительны и благодушны; только местная газетенка печатает разоблачительный материал. Журналисту разбивают голову (жив), и на этом скандал заканчивается. Деньги текут рекой. Желаящие войти в Эру Водолея, продают квартиры и жертвуют деньги на Храм Шестой Расы. Храм смахивает на амбар Конька-Горбунка, но зато из его кедро-

вой маковки бьет в космос сигнал о готовности к переселению. А пока адептам предоставляют так называемые «термосы» – домики, сделанные из четырех палок, обернутых целлофаном. И вот они в термосах ждут конца света, обещанного в девяноста девятом. Тогда прилетят инопланетяне и всех правильных заберут. Еще две смерти – из-за аппендицита и инфаркта, потом статья уже в московском издании (квартиру продала известная певица, и ее наследники взбунтовались), и в две тысячи первом – очередной конфуз. Парана вдрызг ругается с Константиновым и сбегает с молодым любовником в Минск.

Обиженный пророк назначает новую дату Апокалипсиса – две тысячи пятый. Говорит, что уже видит корабли Шестой Расы, прилетевшие за избранными. И тут у пятерых последователей сдают нервы. Не дождавшись кораблей, они отчаливают своим ходом. Путем удушения – тоже неплохой способ.

Этот скандал уже не замять. В 2002-ом секта запрещена решением суда, весь 2003-ий год она бодается с властями, подавая апелляции, в 2004-ом в секту приезжает полиция. У подножия Белухи обнаруживаются два деревянных сруба, шесть «термосов», недостроенный Храм и красивый каменный особняк Константинова, окруженный колючей проволокой. На поляне, где Константинов читал свои проповеди, а бабы публично рожали детей, собрались последние члены секты – их десять человек. Сам Константинов сбежал.

Сейчас уже понятно, что не от полиции. Просто десять членов – это несерьезно. Секта умирала, ее золотые дни прошли. Все десять допрошены, и становится ясно, что последние годы секта «Белуха» плыла по течению, как щепка. Ни дисциплины, ни молений, ни апокалиптических предсказаний, ни даже особых диет. Уже не только крупы жрали, но и мясо. Константинов научился улетать в другие миры с помощью шприцев и таблеток, его проповеди, когда-то наполненные страстью и навыками психологического программирования, теперь стали вялыми и неинтересными. На них просто перестали ходить, и он, обиженный, закрылся в особняке.

«Все ушли. Остались лишь те, кто сбежал в тайгу от реальных проблем. Обломки кораблекрушения на необитаемом острове... – это отрывок из интервью бывшей сектантки. Журналист «Экспресс-газеты» назвал ее М. – Самого Константинова в последние годы никто даже не слушал. Люди не думали о религии или инопланетянах. Они просто залечивали каждый свои раны».

Вот и вся история. Банальная, как три рубля. Я могла бы написать ее сама – настолько она похожа на десятки других. А еще – на пародийные сюжеты капустника; помню, как первые годы моей работы мне хотелось похлопать своих клиентов по плечу. Чтобы они наконец признались: это шутка, верить в такое всерьез нельзя. И помню их белые глаза, доверху наполненные безволием. Это нечеловечески страшно. Именно поэтому похищения родственников из сект, часто проис-

ходившие в конце восьмидесятых, постепенно сошли на нет – в них не было проку. Ты похищал лишь оболочку человека. И набрала силу наша контора: мы умели вернуть душу...

Итак, банальная история.

Такая же далекая от жизни московской богачки, как корабли Шестой Расы.

Секта здесь не при чем, размышляю я. Секты уже не было. Было место, где волей случая собралось десять человек.

Всего десять!

Я беру лист бумаги и рисую на нем коровью тушу. Это моя страна.

Я отмечаю точки: Москва, где живет Алексей Григорьевич Фоменко, Ессентуки, где жил Арцыбашев, Алтай, где в 2004 году собрались десять человек, одного из которых надо опознать.

Я соединяю эти точки. Стороны полученного треугольника тянут на десять тысяч километров.

Как связаны между собой такие разные места?

И почему связь между ними до сих пор не обнаружена?

Ну, менты работали плохо, ну, плохо работали частные детективы – но ведь к этому делу приложил руку кое-кто поумнее.

Я крашу ресницы, мажу губы и отправляюсь на юго-запад Москвы.

На встречу с пауком.

Глава 11

Паук сидит в Парк-Плэйсе на перекрестке Ленинского проспекта и улицы Миклухо-Маклая.

Со стороны кажется, что это воронежский командировочный в джинсах и кроссовках расселся посреди лобби и ворочает головой в стороны. Столица его поразила – роскошь-то какая! Вон и негр прошел к общежитиям РУДН. Морда черная, ладошки белые – чудо дивное.

Паук выпустил пузо из рубашки, потеет на кожаных диванах под хрустальной люстрой.

Я прохожу вращающуюся дверь, охрана равнодушно скользит по мне взглядом. В Парк-Плэйсе много чего располагается: есть и спортивный клуб, и ресторан, и бары, есть куча офисов, гостиничные номера, мало ли куда я могу топтать.

Но паук знает, что я пришла к нему. Одну из ниточек его паутины я задела еще у метро «Юго-Западная». И мое трепыхание он не спутает ни с чем.

Сидит, нарочито спиной ко входу, ждет меня с веселым любопытством. Пауку скучно, а я такая забавная.

– Ну, тебя и разбомбило! – говорю я его потному затылку.

Он не оборачивается, хмыкает. Закуривает сигару. Охрана даже бровью не ведет. И это в наши-то антеникотинные времена! Да, поднялся паук...

– И все? – спрашивает он разочарованно. – Я думал, ты топор метнешь. Мне ведь передали твои угрозы. Ай, страшно-то как было! Думал, ну все, капец. До августа не доживу. Но нет – живу, потею.

Я сажусь рядом, он с удовольствием смотрит на меня. Затем выпускает вонючее кольцо дыма. На доньшке его взгляда я замечаю немного ностальгии. Это хорошо.

– Еще не полночь, царь, – говорю я ему.

Он наклоняется, чтобы меня чмокнуть.

Из-под земли появляется индус с тележкой, уставленной серебряными жаровнями.

– Я нам индийский обед заказал, – поясняет Мищенко. – Ты же любишь индийскую кухню.

– Здесь дорого. Я хожу в «Девин-кафе» на Миклухе.

– Фу! – говорит Коля. – Зачем ты о деньгах? Неужели я не могу себе позволить угостить девушку, которую люблю?

Ох, болтун.

Появляется еще один командировочный, потом еще один. Чего-то бормочут ему на ухо, он покачивает головой, накладывая мне на тарелку «дал-махани». Индус пытается перехватить инициативу, но один из командировочных бросает на него испепеляющий взгляд, и сотрудник общепита испаряется.

Мищенко охает и пышет жаром: тут и сигарный дым, и соус «Тикка масала». Из глаз Коли льются слезы – явно перерлил соуса – но глаза за слезами острые и жуткие. Я чув-

ствую, что его паучий профессионализм сильно вырос за последние годы.

– Как жизнь-то? – спрашиваю осторожно.

– Тоска, – кашляет он, выпуская пламя изо рта. – Мир такой предсказуемый. Вы надо мной смеялись, а я ведь точно все предугадал. Может, в фантасты пойти? Книжки писать?

– Что ты предугадал?

– А вот глянь, – он наконец продышался и показывает мне на газету, лежащую на диване. – Почитай, чем теперь будут заниматься все эти американские научные говнюки.

– Читать лень. Изложи конспективно.

– Они, короче, говорят, что накопили совершенно безумные по размерам базы данных. Из социальных сетей, приложений, покупок по интернету, почты, поисковых запросов, мобильного трафика – а это миллиарды, да бери выше, миллиарды миллиардов единиц информации! Но что с ней делать – никто не знает. Теперь это надо как-то систематизировать. К такой задаче и подступиться-то страшно, но все понимают, что именно здесь – прорыв. Ты только представь! За этими данными спрятаны все коды нашей жизни. Это, блин, золотое дно!

– Прямо-таки вижу, как они все это систематизируют и определяют наконец, что красные бюстгальтеры чаще всего покупают в полнолуние.

– Будет и лишнее, ненужное, – соглашается он, накладывая шпинат с домашним сыром. – Но будет и то, что навсегда

сделает их хозяевами мира. Вот, куда они решили направить мозги! А мы ушами хлопаем.

– Ну, ты не хлопаешь. Ты ведь всегда искал связи явлений.

– Что люблю, то люблю, – он умиленно смотрит, как я ем. – И если тебе нужны деньги, то попроси, я дам. А если переспишь со мной – дам много.

Я даже не подавилась – привыкла уже к его манерам.

– Как они на тебя вышли? Ну, Фоменко с его людьми? – спросила я.

– Как все выходят... У меня клиентов много, есть даже фирмы крупные, и даже ФСБ не гнушается. Большая такая организация, соли-и-идная, а тоже к Коле на поклон ходит... – Мищенко ерничает. – Много информации, дружок – это все равно что мало информации. А они собирают, собирают, а что делать с ней потом – не знают. Она, как каша из горшка, все лезет и лезет. Вот америкосы уже задумались. Понимают, суки, куда силы направить...

Эдак он долго хвастать будет.

Хотя, если по чесноку, он нам еще в 2011 году излагал то же самое. Он одержим систематизацией данных, даже программки всякие пишет. Вот и идут к нему на поклон и стар, и млад.

То, что наш новый сотрудник Коля Мищенко – существо необычное, мы поняли сразу. Он еще при нас сильно увлекался созданием паутин. Плел их из своего немаленького живота, ловил мух. Когда фирма развалилась, он приобрел

бесценный опыт крушения и базы данных. До сих пор, по-
ди, в них ковыряется. Страшно подумать, какие выводы он
уже сделал и какие сделает. Уверена, что его разочарование
в человечестве множится день ото дня.

– Не собираешься в Америку свалить? – спрашиваю я.

– Да кто ж меня выпустит? – важничает он. – Я, дружок,
такие вещи ФСБ-шные знаю, что меня только на кладбище
отпустят, да и то вряд ли. Сожгут где-нибудь в их тайном
крематории...

В глазах Мищенко загорается угрюмая гордость.

Для него это венец карьеры – быть сожженным в крема-
тории для сотрудников ФСБ.

– И чего Фоменко хотел, Коль? – спрашиваю я. – Каков
был его заказ?

Он какое-то время молчит.

Вздыхает.

– Юрист его приезжал. Моль белокрылая. – говорит
неохотно. – Сказал, что ее в секту сманили. Ну, я и подумал,
что ты на этом сможешь заработать...

– Здравсьте! А я тебя об этом просила? Ну, скажи – про-
сила?!

Он хихикает.

– Какие он тебе материалы показывал? – спрашиваю я.

– Да все.

– И на Арцыбашева тоже?

– Который, типа, сгорел? А как же.

– И чего думаешь?

– Все с него началось, это как пить дать. Вот только этого Арцыбашева полиция по молекулам разложила – и ничего. Просто жил мужик, жил, а потом сорвался в Москву, к Фоменко.

– И никаких новых знакомств, необычных встреч, странных электронных писем?

– Никаких. Никогда не был связан с «Белухой». И никто в его окружении. Но информация о «Белухе» стопудово пошла от него... А вот как она попала к нему?

– Звонок из другого города. От человека, с которым он давно не общался, – говорю я.

Коля вздыхает.

– Скорее всего... Но учти, что их тоже всех допросили...

Я размышляю несколько секунд.

– А ты когда материалы изучал, между Арцыбашевым и самим Фоменко что-нибудь обнаружил?

Он смотрит на меня с удовольствием, как на способную ученицу.

Качает головой.

– Они никогда не встречались. Все перелопатили до седьмого колена – нет.

Я даже не ожидала, что так расстроюсь.

– Я была уверена... Черт.... Черт! – и бью кулаком по дивану.

– А ты не будь уверена, – советует он. – Меньше разоча-

рованных. Впрочем, одну загогулину я все-таки обнаружил. Арцыбашев в начале 90-х работал ментом в Москаленках. Ничего не говорит название?

Название и правда кажется мне знакомым.

– Подожди... Подожди, сама вспомню! – я предостерегающе поднимаю руку, он улыбается, глядя на меня сквозь дым очередной сигары.

Нас так натаскивали – заставляли запоминать любую хрень, встреченную на пути. Вывески, газетные объявления, названия станций, имена на бейджиках, фильмы с афиш, точное время радиопередач, часы увядания настурций на клумбах – любой бесполезный факт мог оказаться полезным.

Я вспомнила себя, сидящую на унитазе и запоминающую, как будет по-казахски «освежитель воздуха «малина»». Вспомнила надпись на финском киселе: «Омскакас» – по-шведски это означает «взболтать». Согласно теории нашего хозяина, это шведское слово однажды спасет мою жизнь.

Надпись на киселе...

Юридический адрес производителя...

Маленькие такие буковки...

Москаленки...

– Пельмени! – сказала я.

– Не потеряла навык, умница. Все еще запоминаешь? С медицинской точки зрения, это невроз. Некоторые идиоты складывают цифры в номерах проезжающих машин. Эта

одержимость самая глупая, но и она будет востребована, уж поверь мне... Ты права, это выходные данные пельменей. Раньше хорошие были, сейчас дерьмо. Эти пельмени, действительно, делают в Москаленках. Но где это? Крупно там что написано? Название пельменей какое?

Мозги мои снова заскрипели.

– Так, сейчас... пельмени... пельмени «Сибирские»?

– Не-а. Холодно.

– Но это в Сибири, я точно помню.

– Сибирь большая...

Сибирские, Байкальские, Иркутские, Алтайские, Таежные, Медвежьи, Староверские, Тюменские – теплее – Кедровые, Новосибирские – какие там города еще? Напоминаю, что на свете есть Интернет, и почему бы тебе, Света, не посмотреть, где находятся эти чертовы Москаленки? – нет, я докажу ему, что еще чего-то стою – Югорские, Уренгойские, Газовые, Березовые, Ермаковские, Омские...

Точно! Взболтать. Омскакас. Я вспомнила потому, что запивала их киселем.

– «Омские»! Это пельмени «Омские».

– Да, дружок. Москаленки – это населенный пункт в Омской области.

– Фоменко начинал в Омске.

– Да. Правда, он утверждает, что никогда не встречался с Арцыбашевым. Но кто знает?

– Скажем, Арцыбашев что-то знал про Фоменко, – раз-

мышляю я вслух. – Хотел на этом заработать, поэтому и поехал в Москву без денег. Потом похитил его дочь...

– И? – насмешливо уточняет Мищенко. – Дальше-то что?

– Ну, может, все пошло не так, как он планировал. Она, скажем, погибла, он испугался, сбежал, инсценировал свою смерть... Вот только при чем здесь секта «Белуха»?

– Не при чем, – соглашается Мищенко.

– Слушай, а может, сам папаша ее того?

– Родную дочь?! – пугается Коля. – Кровиночку? – раздумывает. – Да нет. Он правда, не знает, где она. Если бы он ее убил, на фига ему снова всех будоражить? Не думаю.

– Ну, – вздыхаю я. – В любом случае спасибо за новый факт. Хоть что-то. Под финал, так сказать...

– Под фина-ал? – его брови полезли наверх. – Не будь идиоткой! История Гали Фоменко – это только начало.

Он любит красивые и ужасные фразы. Это его способ соблазнения.

– Светуль, – говорит он. – А поехали ко мне, я тебе свой дом покажу. Тысяча метров, бассейн, сауна. Спортивный зал собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.